



**В.И. Маевский, С.Г. Кирдина-Чэндлер, А.В. Верников,
А.И. Волынский, М.С. Круглова, С.Ю. Малков,
Ю.Л. Плущевская, А.А. Рубинштейн**

**ПЕРЕХОД К ЭКОНОМИКЕ РАЗВИТИЯ В РОССИИ:
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ,
ПАРАМЕТРЫ И СЦЕНАРИИ**

Препринт № 2026-4

Москва
Институт экономики РАН
2026

**Vladimir Maevsky, Svetlana Kirdina-Chandler,
Andrei Vernikov, Andrei Volynskii, Maria Kruglova,
Sergey Malkov, Yulia Plushchevskaya,
Alexandr Rubinshtein**

**TRANSITION TO ECONOMY OF DEVELOPMENT
IN RUSSIA: CONCEPTUAL FOUNDATIONS,
PARAMETERS AND SCENARIOS**

Working paper # 2026-4

Moscow
Institute of Economics RAS
2026

Для цитирования: *Маевский В.И., Кирдина-Чэндлер С.Г., Верников А.В., Волынский А.И., Круглова М.С., Малков С.Ю., Плущевская Ю.Л., Рубинштейн А.А.* Переход к экономике развития в России: концептуальные основания, параметры и сценарии. Препринты Института экономики Российской академии наук. М.: ИЭ РАН. № 2026-4. – 38 с.

For citation: *Vladimir Maevsky, Svetlana Kirdina-Chandler, Andrei Vernikov, Andrei Volynskii, Maria Kruglova, Sergey Malkov, Yulia Plushchevskaya, Alexandr Rubinshtein.* Transition to Economy of Development in Russia: Conceptual Foundations, Parameters and Scenarios. Working papers of the Institute of Economics Russian Academy of Sciences. Moscow: IE RAS. # 2026-4. – 38 p.

В препринте представлены предварительные результаты работы по теме государственного задания «Институциональные основания и воспроизводственные факторы экономической политики России, способствующие переходу к экономике развития» (рук. академик РАН В.И. Маевский), полученные в завершающем 2026 г. На основе систематизации теоретических разработок и мировой практики в сфере экономики развития предложены обоснованные сценарии перехода к экономике развития в России. В первом разделе показана практическая актуальность перехода от экономики роста к экономике развития, обобщены теоретические разработки, дано определение экономики развития и обоснована роль КНР как носителя практик, целесообразных для использования в национальной экономике развития. Во втором разделе анализируются воспроизводственные условия перехода к экономике развития в России и приводятся результаты сценарных расчётов условий макроэкономического воспроизводства экономики России с учетом изменений в структуре совокупного спроса, полученные на основе новой версии модели переключающегося режима воспроизводства.

Ключевые слова: экономическое воспроизводство, теории экономического развития, экономика развития, роль государства в экономике.

Классификация JEL: B15, B41, B52, E02, E42, F02.

The working paper presents some preliminary results of the work on the topic of the state plane assignment “Institutional Foundations and Reproductive Factors of Russia’s Economic Policy Contributing to the Transition to a Development Economy” (headed by Academician of the Russian Academy of Sciences Vladimir I. Maevsky) obtained in 2026. Based on a systematization of theoretical research and global practices in Development Economy, substantiated scenarios for the transition to a Development Economy in Russia are proposed.

Keywords: economic reproduction, theories of economic development, development economics, the role of the state in the economy.

JEL classification: B15, B41, B52, E02, E42, F02.

© Маевский В.И., 2026
© Верников А.В., 2026
© Волынский А.И., 2026
© Кирдина-Чэндлер С.Г., 2026
© Круглова М.С., 2026
© Малков С.Ю., 2026
© Плущевская Ю.Л., 2026
© Рубинштейн А.А., 2026
© Институт экономики РАН, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Раздел 1. ОТ ЭКОНОМИКИ РОСТА – К ЭКОНОМИКЕ РАЗВИТИЯ	7
1.1. Практическая актуальность перехода от экономики роста к экономике развития	7
1.2. Теоретические разработки и определение экономики развития	11
1.3. КНР как источник современных практик в области экономики развития	16
Раздел 2. ВОСПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ УСЛОВИЯ ПЕРЕХОДА К ЭКОНОМИКЕ РАЗВИТИЯ В РОССИИ	20
2.1. Энергетические условия перехода к экономике развития (в сравнении с КНР и США).	20
2.2. Сценарные расчеты условий макроэкономического воспроизводства экономики России с учетом изменений в структуре совокупного спроса	26
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	31
ПРИЛОЖЕНИЕ. Соотнесение положений экономики развития как академической субдисциплины, концепции устойчивого развития ООН и политики New Playbook in Economy	32
Литература	35

ВВЕДЕНИЕ¹

Доклад подготовлен в рамках темы государственного задания «Институциональные основания и воспроизводственные факторы экономической политики России, способствующие переходу к экономике развития» (руководитель – академик РАН, д.э.н., проф. В. И. Маевский). В нем обосновывается практическая актуальность перехода к экономике развития в глобальном и национальном контекстах. Она обусловлена замедлением темпов экономического роста и повсеместным переходом к новым сценариям, ориентированным не столько на количественные показатели, сколько на качественные изменения современных экономик. В мировой экономической политике они обобщены в адекватной этому периоду модели *New Economic Playbook* («Новое экономическое руководство»), отходящей от принципов доминировавшего ранее Вашингтонского консенсуса и существенно расширяющей набор инструментов экономической политики.

Анализ этих политик и опора на предшествовавшие им теоретические разработки позволили сформировать определение экономики развития, адекватное российским условиям: экономика развития в её практическом воплощении нацелена не только на количественные, но и качественные социально-экономические изменения, включая технологическую сложность, социальное благополучие населения и заботу об окружающей среде; она развивается на преимущественно суверенной и эндогенной основе и опирается на комплекс механизмов экономической координации (микро-мезо-макро) с главенствующей ролью государства, а также отличается интеграцией фискальной и монетарной политик в рамках единой стратегии развития.

Мы опираемся на это определение в ходе нашего исследования и полагаем его релевантным для современной России, находящейся под ограничениями со стороны западных стран и ведущей боевые действия.

В 2026 г. решаются следующие научные задачи:

- уточнение основных глобальных трендов современной экономической динамики и политики;
- обоснование лучших страновых практик в области экономики развития с целью заимствования передового опыта для национальной экономической стратегии и политики;
- дополнение списка параметров экономики развития;
- оценка сравнительных долгосрочных перспектив энергообеспечения российской экономики как одного из главных материальных факторов реализации экономики развития;

¹ Выражаем благодарность участникам заседания Научного совета направления «Экономическая политика» Института экономики РАН (5 марта 2026 г.), высказавшим полезные соображения при обсуждении доклада Плущевской Ю.Л., Волынского А.И., Кругловой М.С. на тему: «Оценка долгосрочных перспектив развития Российской Федерации и Китайской Народной Республики на основе сравнения их стратегий в энергетической сфере», участникам Научного семинара «Теория и моделирование воспроизводственных процессов в экономике» Института экономики РАН (2 апреля 2026 г.), посвященного обсуждению доклада «Сравнительная оценка энергетических основ долгосрочного развития России и Китая» (авторы Плущевская Ю.Л., Волынский А.И. и Круглова М. С.) и участникам Научного семинара кафедры политической экономии Экономического факультета МГУ «Современная политическая экономия» (24 апреля 2026, г. Москва), на котором обсуждался доклад С.Г. Кирдиной-Чэндлер «Экономики роста и экономики развития: экономические теории, политики или идеологии?», за высказанные комментарии и предложения.

- разработка сценариев и проведение прогнозных расчетов ключевых макроэкономических показателей России на период 2026–2028 гг. с учетом изменений в структуре совокупного спроса.

Структура доклада отражает достигнутые к настоящему времени результаты решения поставленных задач.

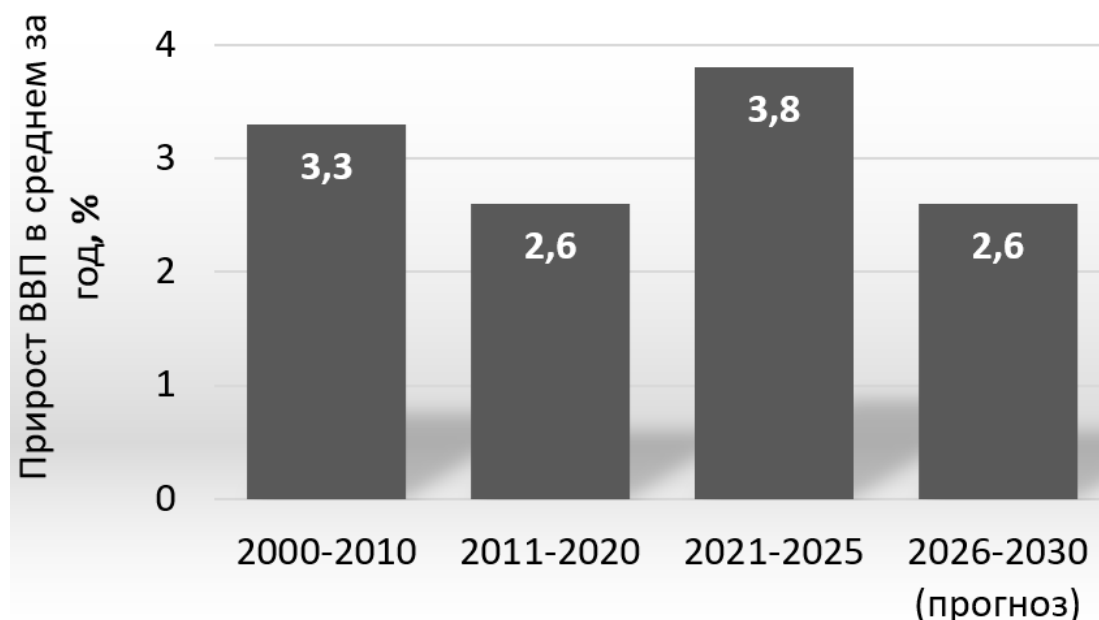
РАЗДЕЛ 1

ОТ ЭКОНОМИКИ РОСТА – К ЭКОНОМИКЕ РАЗВИТИЯ

Перенос фокуса на экономику развития в дискуссиях последних лет становится очевидным. Если в экономике роста (economic growth) речь идет в основном об увеличении количественных показателей ВВП и уровня доходов, то в экономике развития (development economics) акцент смещается на структурные, качественные и институциональные изменения, а также на связанные с экономикой показатели социального развития. В данном разделе обсуждается практическая актуальность экономики развития как нового объекта исследования (1.1), предшествовавшие этому теоретические разработки, на основе которых сформировано определение экономики развития в ее практическом воплощении (1.2) и обоснована ориентация на экономическую политику КНР как набор практик, целесообразных для заимствования в российских условиях (1.3).

1.1. Практическая актуальность перехода от экономики роста к экономике развития

Начнём с того, что в XXI в. темпы прироста мировой экономики постепенно замедляются: если в 2000–2010 гг. они составляли в среднем 3.3% в год, то в следующем десятилетии 2011–2020 гг. – уже 2.6%. Затем в 2021–2025 гг. наблюдался «постковидный отскок» с темпами в 3.8%, но сейчас, по прогнозам Всемирного Банка, нас вновь ожидает замедление темпов прироста до 2.6% в среднегодовом исчислении (рис.1).



Источник: Global Economic Prospects 2025. A World Bank Group Flagship Report. January 2026. <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/a9e24256-baf8-45bb-9075-75e437e1d6f7/content>

Рис. 1. Темпы прироста мирового ВВП в среднем за год, %.

В России ситуация не сильно отличается: в 2001–2025 гг. мы видели волатильную динамику с периодами небольших подъёмов (и спадов в 2009, 2015, 2020 и 2022 гг.), – но в среднем рост составлял около 3% в год. Однако ожидается, что к 2035 гг. темпы роста российской экономики – если не проводить структурные и иные реформы – снижаются до 1.5% в год².

Ожидаемое замедление темпов экономического роста в России и мире связывается со многими причинами. Среди них исчерпание традиционных материальных ресурсов, доступных для вовлечения в эффективный экономический оборот; ослабление прежних драйверов экономического роста, прежде всего возможностей увеличения экспорта и получения дешёвых кредитов; новый виток увеличения бедности и социальных неравенств не только в развивающихся, но и в развитых странах (*Пикетти, 2023*), что тормозит экономическое развитие; рост природных и биологических угроз – от климатических изменений и роста солнечной активности, опережающей стандартные прогнозы (*Jasinski, Velli, 2025*) до пандемийных рисков. Современное состояние общества и экономики под влиянием этих факторов западные специалисты стали обозначать термином «поликризис» (*Lawrence, Janzwood, Homer-Dixon, 2022; Schulz at al, 2024; Rakowski at al, 2025*), когда одновременно переплелись кризисные явления во многих общественных сферах. При этом многолетняя нацеленность экономик прежде всего на количественные показатели роста рассматривается в качестве одной из причин современного поликризиса. Профессиональные экономисты в этой связи отмечают также скудость и нерелевантность экономических рекомендаций, опиравшихся на стандартные теории роста.

В этих условиях актуальными становятся стратегии структурной перестройки экономики, модернизации инфраструктуры, повышения производительности труда, развития внутренних рынков и т.д., что рассматривается как более важные цели, чем простое наращивание объёмов производства и роста ВВП. Стоят задачи построения прежде всего устойчивой экономики и рационального использования имеющихся ограниченных средств для социального и экологического благополучия населения, а приоритеты смещаются в сторону качественных изменений. Таким образом декларируется переход от экономики роста к экономике развития.

Практическая консолидация инструментов для функционирования национальных экономик в условиях низких (и очень низких) темпов роста и постоянных запросов населения на улучшение качества жизни происходит в ходе формирования так называемого *New Economic Playbook* («Нового экономического руководства»³). Оно представляет собой обсуждаемый с начала 2020-х гг. мировыми экспертами и политиками набор инструментов, адекватных новому замедленному периоду мировой динамики. Здесь предлагаются экономические политики, отличающиеся от распространённого прежде так называемого «Вашингтонского консенсуса» с акцентами на либерализацию, приватизацию и фискальную дисциплину. Вместо этих универсальных экономических рекомендаций признаются множественность путей развития и контекстуально-чувствительный дизайн политик, эффективность сочетания рыночных механизмов

² Кочетов А. Стратегический прогноз развития экономики России до 2050 года: диверсификация и технологический суверенитет. Электронный ресурс. (https://sponsr.ru/dbka/128581/Strategicheskii_prognoz_razvitiya_ekonomiki_Rossii_do2050_goda_diversifikaciya_itehnologicheskii_suverenitet/ доступ 29 апреля 2026 г.) См. также (Фомин, 2024).

³ Встречается также перевод «Новая экономическая стратегия» или «Новое экономическое стратегирование».

и более активной роли государства, преобладание целей «устойчивого процветания» (*sustainable prosperity*) и инклюзивности по сравнению с количественными показателями экономического роста. Хотя понятие *New Playbook* не является строго определенным научным термином, оно уже широко используется в политических и экспертных дискуссиях для описания новых подходов в экономической политике⁴. Это показал и недавно прошедший Петербургский международный экономический форум ПМЭФ'2026, посвященный теме «Прагматичный диалог – путь к стабильному будущему».

И пусть в академической литературе систематизация направления *New Playbook* пока не представлена⁵, мы находим в нём отражение многолетних разработок ряда известных нам зарубежных учёных с мировым именем, работавших в области «экономики развития», которых, наконец, услышали политики. Назовём лишь некоторых из них, а также упомянем отдельных российских коллег, призывавших к аналогичным изменениям экономической политики в нашей стране.

Так, одной из главных особенностей политики в рамках *New Economic Playbook* является признание того, что **контекст**, в частности, институциональные, культурные и структурные особенности страны, имеют значение, поэтому нецелесообразно опираться преимущественно на универсальные общие рекомендации от разного рода экономических советников, среди которых особое место занимали либерализация, приватизация и фискальная дисциплина. Напомним, что о значимости контекстов не одно десятилетие пишет Дэни Родрик, американский учёный турецкого происхождения, работающий в Гарварде. Он активно критиковал универсализм и предлагал «диагностический подход» (своего рода «набор рецептов») при выработке промышленной политики, учитывающий специфические условия роста в каждой стране (*Rodrik, 2007; Rodrik, Rosenzweig, 2010; Juhász, Lane, Rodrik, 2024*). В России на необходимость адаптации экономической политики к институциональным и культурным особенностям страны много лет писали Р. М. Нуреев (*Нуреев, 2016*), В.М. Полтерович (*Полтерович, 2006, 2016*), А.А. Аузан (*Аузан, 2022*), и др. Однако до сих пор рекомендации по учету отечественного институционального контекста в реальной экономической политике в достаточной мере не операционализированы, а потому слабо реализуются.

Следующая важная направленность в стратегии *New Playbook* – признание **активной роли государства и важности промышленной политики** в координации инвестиций, поддержке инноваций, создании материальных и социальных условий для благоприятной экономической динамики. Она предполагает отход от концепции государства, задачей которого в экономике является преимущественно исправление «провалов рынка», и передачу ему более значимых функций. И об этом писали мно-

⁴ UNIDO: Industrial Development Report 2024 <https://www.unido.org/sites/default/files/unido-publications/2024-06/Industrial%20Development%20Report%202024.pdf>; World Bank Global Economic Prospect (June 2025) <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/8bf0b62ec6bcb886d97295ad930059e9-0050012025/original/GEP-June-2025.pdf>; The Techno-Industrial Policy Playbook (2025) <https://www.rebuilding.tech/>; McKinsey & Company: Wanted: A new economic playbook (2025) <https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-asia/wanted-a-new-economic-playbook>; Mazzucato M. 2025. Principles for an Inclusive and Sustainable Economy. A discussion paper for the South Africa G20 Presidency (2025) <https://cms.marianamazzucato.com/wp-content/uploads/2025/04/Principles-for-an-Inclusive-and-Sustainable-Global-Economy.pdf>. (доступ 5 мая 2026 г.) и др.

⁵ В качестве обзора этого направления можно предложить программную публикацию авторов термина, а именно *Besley T., Velasco A.* A New Economic Playbook for Policymakers, Project Syndicate. Nov 11, 2025 (<https://www.project-syndicate.org/commentary/successor-to-washington-consensus-must-get-politics-right-by-tim-besley-and-andres-velasco-2025-11>) (доступ 7 июня 2026).

гие известные экономисты, включая нобелевских лауреатов. Так, на необходимость активной промышленной политики много лет указывал бывший главный экономист Всемирного банка китайский учёный Джастин Ифу Лин (*Lin*, 2012, 2021). Он известен своей концепцией *New Structural Economics* (Новой структурной экономики), которая связывает отраслевую структуру экономики страны прежде всего с эндогенно присущими ей факторами, дающими сравнительные преимущества в мировой экономике (в рабочей ли силе, капитале или природных ресурсах). Задача государства как *Facilitating State* («содействующего государства») – устранять препятствия и создавать наилучшие условия для использования имеющихся сравнительных преимуществ. Активно поддерживает протекционизм и эффективное государственное участие работающий в Кембридже южнокорейский учёный Ха-Джун Чанг⁶ (*Chang*, 2003; 2007, 2010) – он обосновывает свои выводы историческими примерами успешного экономического развития в таких случаях. На роль активной макроэкономической правительственной политики в странах «восточноазиатского чуда» по реструктуризации экономики и развитию системы образования, а также использованию имеющихся и созданию собственных технологических новшеств с опорой на национальные традиции и интересы, указывал лауреат премии памяти А. Нобеля из США Роберт Уильям Фогель (*Fogel*, 2009), цитировавший в этой связи и других нобелиатов по экономике Пола Кругмана и Джозефа Стиглица. В России об активизации государственной экономической политики, направленной на технологические и структурные изменения, поддержку отраслей и предприятий и создание институтов развития активнее других пишут Ю. В. Симачев и М.Г. Кузык (*Симачев, Кузык, Иванов*, 2012; *Симачев, Кузык* и др. 2014; *Симачев, Кузык*, 2020; *Симачев, Федюнина, Кузык*, 2022). Об усилении роли государства как новом качестве национальной экономики России пишет также группа авторитетных экспертов, таких как А.А. Широ́в, Д.Р. Белоусов, А.Н. Клепач и их коллеги (*Широ́в и др.*, 2024), и многие другие.

Также для *New Playbook* характерен фундаментальный **пересмотр роли фискальной и монетарной политик⁷ и их взаимодействия**. Предлагается переход от разделённой модели этих политик к интегрированной системе управления финансами. Так, фискальная политика рассматривается не столько в качестве стабилизатора экономики, но как один из основных драйверов структурной трансформации с целевыми инвестициями и стимулирующей системой налогов. Соответственно, монетарная политика предполагается не столько как инструмент борьбы с инфляцией, сколько как элемент координации управления рисками в условиях структурных сдвигов и создания условий для развития так называемой реальной экономики. Процентные ставки, несмотря на свою важность, полагаются недостаточным и тем более не лидирующим инструментом в условиях замедления экономического роста: без сочетания с фискальными и структурными мерами они не достигают ожидаемого эффекта. Поэтому монетарная политика должна быть не универсальной, а гибкой, приспосабливаясь к конкретным вызовам⁸. О фискальной политике как главном инструменте экономи-

⁶ В 2013 г. «Prospect magazine» включил Х-Д. Чанга в число 20 лучших мировых мыслителей – «The Top 20 World Thinkers» (<https://www.prospectmagazine.co.uk/essays/50996/world-thinkers-2013> – доступ 3 мая 2025 г.).

⁷ То же что «бюджетная и денежно-кредитная политика».

⁸ *Carbo-Valverde, S., Rodríguez-Fernández, F.* 2024. The ECB's new monetary playbook // *Funcas SEFO*. Vol. 13. No. 6. November. P. 37-42. <https://www.funcas.es/wp-content/uploads/2024/11/Carbo-13-6.pdf> (доступ 3 мая 20216 г.)

ческой стабилизации активнее других писали и продолжают писать сторонники Современной Денежной Теории (*Modern Monetary Theory*) из США (Kelton, 2020; Wray, Armstrong, Holland, Jackson-Prior, Plumridge, Wilson, 2024; Wray, 2025) и др. В России наиболее последовательным критиком догматического подхода к монетарной политике как главного инструмента экономической стабильности выступает С.Ю. Глазьев (Глазьев, 1997, 2015; Глазьев, Сухарев, 2025), который сравнивает политику инфляционного таргетирования с устаревшим «экономическим кровопусканием» и выдвигает аргументы в пользу стимулирующей денежно-кредитной политики в сочетании с активной бюджетной политикой. На важность воспроизводственной направленности фискальной и монетарной политик также постоянно указывает В.И. Маевский (см., например, Маевский, 2025а, 2025б).

В наборе *New Playbook*, помимо отмеченных выше, содержится еще немало актуальных экономических стратегий. Среди них так называемый «зеленый сдвиг»; стремление стран к технологическому суверенитету, особенно в условиях фрагментирующейся глобальной экономики; «новый меркантилизм» (*Neo-mercantilism*), т.е. активное использование торговой политики как формы экономической войны или протекционизма для обеспечения национального промышленного превосходства, особенно в цифровой сфере (Mueller, Farhat, 2022); ориентация на гендерное равенство и создание «хороших рабочих мест»; социальная справедливость; «миссионерское государство» (Mazzucato, 2021) и др. Но в контексте настоящего доклада они не рассматриваются.

Для нас же важно зафиксировать, что в эпоху замедления темпов роста в практической политике большинства стран наблюдается постепенный переход от декларирования преимуществ «свободного рынка» в сторону более «управляемой» экономики, которая может обеспечивать экономическое развитие страны. Рекомендации экономистов всё больше направлены на использование практических инструментов устойчивого функционирования экономики и структурной трансформации, чтобы страны могли развиваться не *благодаря* глобальному росту, как это было последние десятилетия, а *вопреки* его замедлению.

По сути, *New Playbook in Economy* предлагает набор конкретных рекомендаций в рамках достижения целей устойчивого развития, предложенных ранее ООН в 1987 г. и постоянно дополняемой новыми наборами показателей⁹.

И хотя актуализация инструментов и политик *New Playbook* происходит на наших глазах, многие из них имеют глубокие исторические традиции и уже не первый год представлены в теоретическом течении, обобщённо называемом «экономика развития».

1.2. Теоретические разработки и определение экономики развития

Анализ различных аспектов теоретических исследований в области экономики развития, который проводился членами авторского коллектива в 2024–2025 гг., уже опубликован в ряде научных работ (Верников, Курышева, 2024; Волкова, Круглова, 2024; Волинский, 2024, 2025; Волинский, Круглова, 2024; Волинский, Плущевская, 2024; Кирдина-Чэндлер, 2024а, 2024б, 2024в, 2025; Круглова, 2024, 2025; Маевский, 2024, 2025а, 2025б; Маевский, Малков, Рубинштейн, 2025; Плущевская, 2024, 2025а;

⁹ Подробнее о соотношении концепции устойчивого развития ООН и политики *New Playbook in Economy*, а также о взаимосвязи этих направлений с теорией экономики развития см. в Приложении.

Vernikov, 2026). Анализ был направлен на сравнение теоретических разработок в сфере экономики развития (теорий экономического развития) с теориями экономики роста (экономического роста), на анализ концепции «государство развития», на выявление проблемных зон («белых пятен») в экономике, где приложение подходов с точки зрения экономики развития представляется наиболее релевантным. Использовалась гетеродоксальная стратегия анализа, опирающаяся на институционально-эволюционный и воспроизводственный подходы к экономике, которые многие годы характеризуют специфику исследований авторского коллектива. В результате была выработана оригинальная позиция в исследовании экономики развития как одного из перспективных гетеродоксальных направлений, актуальных для анализа и решения реальных мезо- и макроэкономических проблем экономической динамики. В данном параграфе подытожим результаты этих исследований.

Как известно, экономический рост в *ортодоксальной* экономической теории понимается как положительная количественная динамика основных макроэкономических показателей: уровня доходов населения и долгосрочных темпов роста (прироста) ВВП в целом по стране и на душу населения. «*Экономика роста*» (теории экономического роста) исследует причины межстрановых различий этих показателей, факторы выхода на траекторию устойчивого роста и поддержания его высоких темпов на длительном интервале времени.

«*Экономика развития*» (теории экономического развития) представляет собой весьма широкую исследовательскую область, в которой работают как представители неоклассической ортодоксальной традиции¹⁰, так и экономисты-гетеродоксы. В гетеродоксальной экономике она представляет собой теоретическое пространство, где существуют не только разработки в области «классической» *Development Economics*, изначально посвященные преодолению бедности в развивающихся странах¹¹, но более широкий круг концепций, которые имеют общую традицию и глубокие исторические корни¹².

Анализ академической и прикладной экономической литературы показывает, что «отрыв» понимания экономики развития лишь как набора политик и программ для развивающихся стран, усилился в последние годы; ныне экономика развития рассматривается как современный глобальный тренд трансформации экономических систем с целеполаганием в пользу качественных приоритетов, имеющий исторические прецеденты (Веселов, 2025). По сути, экономика развития представляется как развивавшееся параллельно с экономической ортодоксией направление гетеродоксальных экономических исследований в области экономической динамики. К её предтечам относят, например, итальянского меркантилиста Антонио Серра XVII в., а в список «пионеров» экономики развития (рис. 2) включают таких разных экономистов, как

¹⁰ См., например, *New Development Economics*, лидерами которого являются нобелиаты 2019 г. Абхиджит Банерджи, Эстер Дюфло и Майкл Кремер. Это направление продолжает линию поведенческой экономики и представлено микроэкономическими эмпирическими исследованиями на основе рандомизированных контролируемых испытаний (*Randomized Controlled Trials*).

¹¹ Далёкие от тематики «экономики развития» экономисты до сих пор представляют её как школу экономической мысли, развивавшуюся латиноамериканскими учёными в недрах Экономической комиссии ООН для стран Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК – ECLA) и введших в оборот термин *Development Economics* в конце 1940-х годов.

¹² О том, какие именно концепции относить к экономике развития и как ее преподавать студентам, идут постоянные дискуссии как за рубежом, так и в нашей стране (см., например, *Meier, Rauch, 2005; Толкачев и др., 2024*).

Джеймс Стюарт (1712-1780) из Шотландии, Александр Гамильтон (1755-1804) из США, Фридрих Лист (1789-1846) и Карл Маркс (1818-1883) из Германии, Джозеф Шумпетер (1883-1950) из Австрии и Джон М. Кейнс (1883-1946) из Великобритании (подробнее см. *Bresser-Pereira, Oreiro, 2024; The Pioneers of Development Economics...*, 2005).

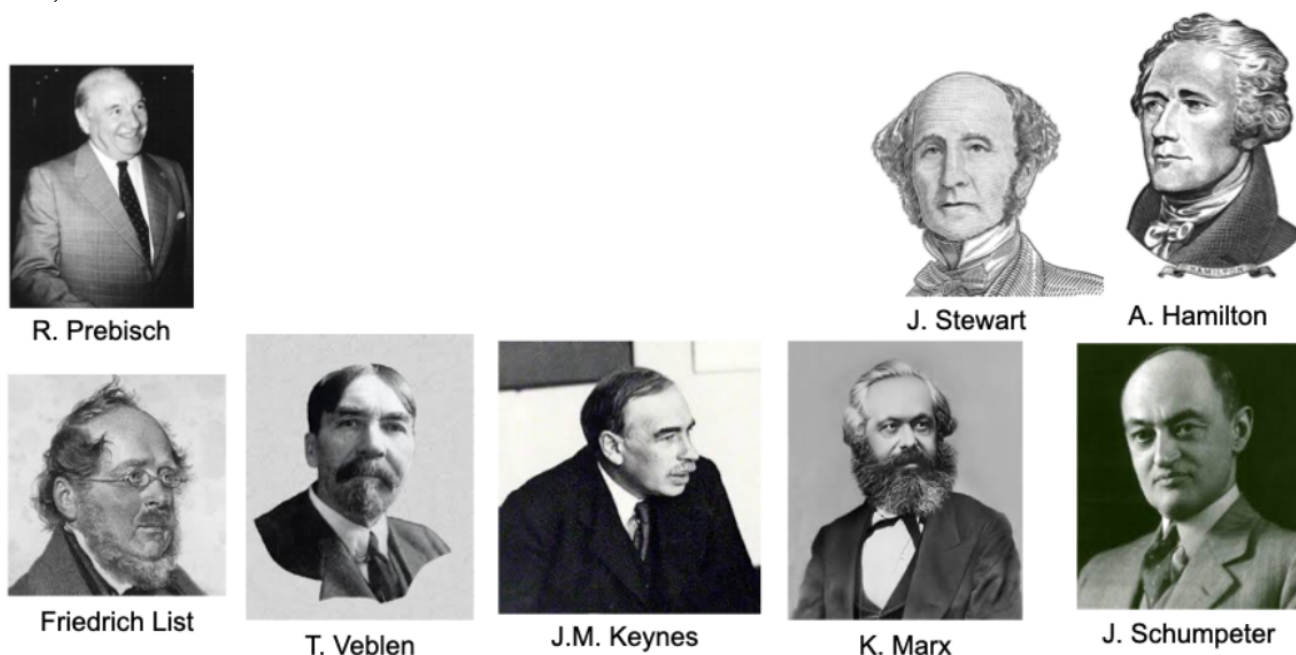


Рис. 2. Некоторые предшественники экономики развития с конца XVIII в. и до конца XX в.

В англоязычной Википедии в списке современных представителей экономики развития (*Development Economics*), кроме упомянутых ранее Д. Родрика и Дж.И. Лина, представлены такие учёные, Erik Rainert, Daron Acemoglu и James Robinson, Jeffrey Sachs, Amartya Sen, Joseph Stiglitz, Hernando de Soto и др.¹³ (рис. 3), которые относятся к различным исследовательским направлениям.



Рис. 3. Представители экономики развития, с конца XX в. по настоящее время

¹³ https://en.wikipedia.org/wiki/Development_economics

Так, среди них представлены институционалисты, сторонники неокейнсианской макроэкономики, специалисты в области экономики благосостояния и т.д.

Такое разнообразие имён и подходов требует потребовало от нас самоопределения и формулировки собственной позиции по поводу того, что понимать под экономикой развития, для того чтобы сфокусировать наши исследования по теме государственного задания. При этом, помимо институционально-эволюционного и воспроизводственного подходов, мы опирались также на мезоэкономические основания и модели. Это обеспечило преемственность с работами коллектива прошлых лет

В результате мы выделяем в теоретических разработках по экономике развития следующие важные для нас моменты:

- учёт национальных временных и пространственных особенностей стран; опора на сравнительно-исторический метод и критическое отношение к утверждениям об универсальности моделей роста; высокая значимость внешнего контекста и определение условий и векторов встраивания национальных экономик в перспективные глобальные тренды;
- необходимость учёта структурных характеристик экономики, которые могут обеспечить её необходимое комплексное и самодостаточное развитие (поэтому нам понятно, почему к экономике развития относят разные «структурализмы», время от времени возникающие в экономической теории – от «латиноамериканского структурализма» Рауля Пребиша и Селсу Фуртаду середины XX века до Новой структурной экономики вышеупомянутого Д. И. Лина 2010-х гг.); не все виды экономической деятельности оказывают одинаковый эффект на экономическое и тем более социальное развитие, а материальное производство и особенно обрабатывающая промышленность играют особую роль в построении суверенной жизнеспособной экономической национальной системы;
- особое внимание к анализу материальной инфраструктуры как важнейшего условия самодостаточного развития экономики;
- в современных условиях для преодоления пределов роста инновационная экономика, включающая инвестиции в образование и науку, создание инновационной инфраструктуры и цифровизацию, имеет особое значение;
- очевидность взаимосвязи развития реального сектора и денежной (финансовой) сферы для обеспечения устойчивой экономической динамики, в том числе через посредство специально формирующихся для этих целей институциональных структур. В экономической ортодоксии эта связь обычно игнорируется (здесь даже выработаны известные термины для фиксации отсутствия такой связи, например, «классическая дихотомия» или «нейтральность денег»); с этой точки зрения для нас особый интерес представляет финансиализация (и её предупреждение), при которой отрыв финансовой сферы от реального сектора приводит как к неблагоприятным социальным последствиям, так и к снижению темпов роста, надуванию финансовых пузырей и финансовой хрупкости (Minsky, 1975, 1986, 1992);

- активная роль государства¹⁴; признание того факта, что саморегуляция экономики обеспечивается не столько на рыночной основе, сколько на основе координационного взаимодействия институтов рынка, с одной стороны, и правительственных (*governance*), регуляторных, централизованных структур, с другой стороны; роль национальных стратегий, государственного планирования (программирования) в различных формах является необходимым условием развития. Кстати, поэтому наше внимание привлекла концепция «государство развития» как одна из моделей управления, при которой государство играет центральную роль в экономическом планировании, распределении инвестиций и создании институтов для качественного и ускоренного роста;
- процесс экономического развития понимается как неравновесный процесс с постоянными «возмущающими» технологическими и институциональными инновациями; организация процессов накопления играет решающую роль в сглаживании макроэкономических спадов и создании условий как для устойчивого роста, так и для перехода на качественно иной уровень развития.

Опираясь на эти теоретические важнейшие положения, мы сформировали следующее **определение экономики развития** как целевого ориентира для экономической политики России: экономика развития в её практическом воплощении нацелена не только на количественные, но и качественные социально-экономические изменения, включая технологическую сложность, социальное благополучие населения и заботу об окружающей среде; она развивается на преимущественно суверенной и эндогенной основе и опирается на комплекс механизмов экономической координации (микро-мезо-макро) с главенствующей ролью государства, а также отличается интеграцией фискальной и монетарной политик в рамках единой стратегии развития.

Подчеркнём, что давно принятые в теории и на практике параметры экономического роста, такие как рост ВВП и доходов, не игнорируются в экономике развития; они входят в состав параметров для оценки экономики развития, но лишь как составная часть. Экономика развития рассматривается как необходимый набор инструментов для поддержания и обеспечения устойчивого экономического роста.

Наше определение не претендует на универсальность, оно опирается на корпус исследованной литературы и соответствует конкретным целям нашего исследования. Очевидно, что иные авторы могут расставить иные акценты. Сегодня, как отмечается в разработках искусственного интеллекта, «отсутствие единого определения – не слабость, а сила экономики развития: оно отражает сложность реальных процессов и необходимость гибкого, контекстуального подхода к анализу и политике»¹⁵.

¹⁴ Под «государством» в данном случае понимаются надстроечные – над экономикой как совокупностью экономических агентов и мезоструктур – централизованные институты, такие как правительство, министерства и т.п., деятельность которых определяет условия экономической деятельности, решения которых обязательны к исполнению и которые могут использовать санкции по отношению к участникам экономической деятельности за их невыполнение, а также перераспределять ресурсы между ними. Центральные банки, как и государственные банки (*Vernikov, 2026*), хотя формально во многих странах «отделены от государства», являются, тем не менее, частью этой структуры. Мы абстрагируемся от других ролей государства, ему присущих – защита территориальной целостности, демографическая политики, общественная безопасность и др.

¹⁵ <https://chat.qwen.ai/c/b8f6a0e2-18b1-4c01-aec7-f0ec9cffcc6d#:~:text=Отсутствие%20единого%20определения%20-%20не%20слабость%2C%20а%20сила%20экономики%20развития:%20оно%20отражает%20сложность%20реальных%20процессов%20и%20необходимость%20гибкого%2C%20контекстуального%20подхода%20к%20анализу%20и%20политике> – доступ 8 мая 2026 г.

Важно, что данное определение мы полагаем релевантным для целеполагания и экономической политики в современной России. Ограничения в экономическом развитии страны, вызванные так называемыми «санкциями» со стороны политического руководства западных стран и попытками изолирования России, актуализируют задачи суверенизации социально-экономического развития и формирования его эндогенных финансовых основ. Сложность и многоаспектность стоящих целей объективно требуют развития сложных механизмов координации на всех уровнях, а необходимость концентрации и мобилизации ресурсов формирует запрос на централизацию механизмов государственного управления. Другими словами, актуальность экономики развития в обоснованном практическом воплощении для России имеет особое и важное значение.

1.3. КНР как источник современных практик в области экономики развития

Основа любого развития начинается с процесса сравнения – в экономике организованный процесс сравнения часто называют бенчмаркингом. Он предполагает выбор лучших практик (лидеров) в определенной области и соотнесение с ними на основе использования эталонных показателей – бенчмарков. Адресный выбор лидера и анализ его практик помогает перенимать успешный опыт и учиться на чужих ошибках, выстраивая оптимальные стратегии и используя конкретные решения для достижения целей.

Обычно в качестве лидеров национальных экономически успешных стратегий выступают страны, добившиеся наибольших успехов. Сегодня такими странами, безусловно, являются две мировые державы – США и КНР, по масштабам сопоставимые с Российской Федерацией. На чей же опыт ориентироваться России при построении экономики развития?

Для начала посмотрим на значения и динамику следующих эталонных показателей: темпы прироста ВВП, индекс производственного потенциала, производительность труда, уровень экономической сложности экспортируемой продукции, индекс человеческого развития, уровень неравенства (коэффициент Джини), абсолютная бедность и уровень выбросов CO₂ (экология). Отметим, что в отношении указанных параметров достигнут экспертный консенсус о том, что их значения в значительной мере характеризуют «уровень экономики развития» в разных странах: «в то время как экономический рост фокусируется на количественном увеличении производства товаров и услуг в стране, экономическое развитие охватывает более широкий спектр факторов, включая повышение уровня жизни, социального обеспечения и распределения богатства» (*Sirous, 2024*), а также заботу об экологии (*Daly, 2007*). Сравнимые данные представлены в табл. 1.

Итак, какие ключевые тренды можно видеть в отношении выбранных бенчмарков в экономиках США и Китая за период 2000–2025-х гг.? По показателям темпов экономического прироста ВВП очевидно лидирует КНР: до 2020 г. его темпы были на среднем уровне 8,66% в год, в последние годы они стабилизировались на уровне примерно 5%. В США темпы прироста в 2000–2025 гг. составляли в среднем 2,15% в год, что очевидно ниже китайских показателей¹⁶.

¹⁶ <https://tradingeconomics.com/>

Таблица 1. Показатели экономики развития в КНР, США и России, 2025 г.

	Прирост ВВП за 2000–2025 гг., в среднем за год, %	Сложность экспорта, место в мировом рейтинге (в скобках – 2000 г.)	Коэффициент Джини	Абсолютная бедность, % населения	Выброс CO ₂ т/чел.	Индекс производственного потенциала, баллов (в скобках рост с 2000 г.)	Уровень производительности труда, дол. ППС/час (в скобках рост с 2000 г.)	Индекс человеческого развития (в скобках рост с 2000 г.)
КНР	8,66 (в 2000–2019 гг.) 5,32 (в 2000–2025 гг.)	10 (30)	35,7	0,6	9,1	62,5 (1,6)	20,5 (4,9)	0,797 (1,36)
США	2,15	20 (6)	46,0	12,0	13,6	67,6 (1,1)	79,2 (1,4)	0,938 (1,05)
Россия	3,25	67 (40)	35,1	7,0	14,6	49,4 (1,3)	34,8 (1,5)	0,830 (1,15)

Источники: представлены в тексте ниже.

Особенно впечатляющие успехи Китай демонстрирует в росте уровня сложности экспортируемой продукции¹⁷ – если в 2000 г. он был на 30-м месте в мире по этому показателю (США – на 6-м), но уже в 2025 г. Китай опередил США и поднялся на 10-ю позицию, тогда как США спустились на 20-ю строчку мирового рейтинга¹⁸.

Китай также опережает США по социальным бенчмаркам – как по абсолютным значениям, так и по прогрессу, с которым эти показатели улучшаются. Так, уровень неравенства, измеряемый посредством коэффициента Джини¹⁹, в США остаётся на относительно высоком уровне (46.0), тогда как в КНР он к 2025 г. снизился до 35.7 и продолжает снижение²⁰. Одновременно Китай достиг впечатляющего сокращения абсолютной бедности²¹ за последние четверть века – с 49.8 в 2000 г. до 0.6% в 2025 г., тогда как США в последние 25 лет стабильно «держали уровень» примерно в 10–11%²², а в последние годы этот уровень начал расти.

Посмотрим на экологическую ситуацию, используя показатель выбросов CO₂ в расчете на душу населения²³. Общая ситуация такова, что Китай производит треть всех выбросов CO₂ на планете, опережая все остальные страны (в частности, это почти в 3 раза больше выбросов, чем США). Однако уровень выбросов в расчете на душу

¹⁷ <https://statbase.ru/datasets/indexes-and-ratings/human-development-index/>

¹⁸ Growth Lab. Country & Product Complexity Rankings (<https://atlas.hks.harvard.edu/rankings>)

¹⁹ <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI>

²⁰ Справочно: в России за 25 лет коэффициент Джини снизился с 37.1 до 33.0, пройдя пики (более 40) в 2005–2010-х гг.

²¹ <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/topic/poverty/brief/global-poverty-line-faq>

²² Справочно: в России уровень бедности в 2025 г. составил 7%.

²³ <https://www.worldometers.info/co2-emissions/>

населения составляет в КНР 9,1 т, что гораздо меньше, чем в США – 13.6 т. Отметим, что в обеих странах это показатель в последние годы начал постепенно снижаться²⁴.

По индексу производственного потенциала²⁵ пока лидирует США – в 2025 г. он составлял 67.6, тогда как в КНР хоть и немногим, но меньше – 62.5; однако если в Китае рост с 2000 г. составил более 1,6 раза, то в США – лишь в 1,1 раза²⁶.

Также уверенно Китай наращивает уровень производительности труда, которая измеряется как отношение произведенного ВВП в долларах США по ППС к количеству отработанных человеко-часов²⁷: за 25 лет уровень производительности труда в КНР возрос почти в 5 раз; и, хотя по абсолютному уровню он существенно ниже, чем в США (20.5 против 79.2), разрыв между этими державами сокращается ускоренными темпами²⁸.

По индексу человеческого развития²⁹ в лидерах сегодня США – 0.938 в 2025 г., тогда как в КНР этот уровень составил 0.797; однако именно Китай показал значительный прогресс по его росту: за 25 лет значение индекса возросло в 1,36 раза, а в США – лишь в 1.05 раза³⁰.

Подведем итоги: в последние десятилетия Китай по ряду показателей экономики развития, таких как темпы прироста ВВП, сложность экспортируемой продукции, снижение неравенства в доходах и уровня бедности, заметно опережает США. Однако там, где Китай от США пока отстаёт, например, по индексу человеческого развития, уровню производительности труда или индексу производственного потенциала, он нагоняет разрыв стремительными темпами и, скорее всего, скоро обойдет показатели США. Китай очевидно становится лидером экономики развития, поэтому перенимать его опыт и экономические практики представляется весьма целесообразным.

Конечно, не стоит сбрасывать со счетов и США с их достижениями – это было бы нереалистично. Однако надо иметь в виду, что в соответствии с теорией системных циклов накопления Джованни Арриги (*Arrighi*, 1994; *Arrighi*, 2006; *Arrighi*, 2009³¹, см. также *Попов*, 2025), долгосрочный цикл американского доминирования заканчивается. Напомним, что, согласно теории Арриги, эволюция глобального хозяйства в новую и новейшую эпохи происходит в форме смены режимов накопления капитала, каждый из которых длится примерно столетие. Новый режим формируется страной-лидером, геоэкономическим центром и драйвером глобальных процессов, и таким лидером становится Китай. Таким образом, наблюдаемый подъём Китая – это не ситуация «здесь и сейчас», но долгосрочный перспективный тренд.

²⁴ Справочно: в России уровень выбросов CO₂ составил в 2025 г. 14.6 т человека и демонстрирует слабую, но постоянную тенденцию к росту в течение последних лет.

²⁵ Индекс производственного потенциала (*Productive Capacities Index*) – комплексный аналитический инструмент для измерения способности стран к устойчивому развитию. В отличие от классических индикаторов (например, ВВП), он показывает, за счет чего страна развивается и какие структурные ограничения ей мешают. Максимальное (лучшее) значение = 100 баллов. Индекс разрабатывается ЮНКТАД (Конференцией ООН по торговле и развитию) и основан на 43 ключевых индикаторах (<https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.PCI>).

²⁶ Справочно: в России индекс производственного потенциала составил 49.4, показав рост с 2000 г. в 1,3 раза.

²⁷ <https://ilostat.ilo.org/topics/labour-productivity/>

²⁸ Справочно: в России показатель производительности труда в 2025 г. составил 34.8 против 22.5 в 2000 г.

²⁹ Справочно: Россия в 2024 г. занимала 67-место, спустившись с 40-й позиции в 2000 г.

³⁰ Справочно: в России индекс человеческого развития составил в 2025 г. 0.830, увеличившись за 25 лет в 1,15 раза.

³¹ https://arrighinetwork.org/wp-content/uploads/2022/01/2009_arrighi_the-winding-paths-of-capital.pdf (доступ 15 мая 2026 г.).

Наконец, для России выбор КНР как целесообразной практики экономики развития, опирается на положения теории институциональных X-Y матриц, неоднократно доказавшей свою эвристичность в различных исследованиях (подробнее об этом см. *Кирдина-Чэндлер, 2023*). Согласно этой теории, Россия и Китай характеризуются схожестью институциональных порядков, что определяется историческим доминированием экономических, политических и идеологических институтов X-матрицы в наших странах, в то время как институты Y-матрицы имеют дополнительный, комплементарный характер (*Кирдина, 2014; Kirdina-Chandler, 2017*). Это создает как предпосылки применения китайского опыта в России, так и позволяет оценить ограничения, с которыми сталкивается на этом пути экономика КНР и может столкнуться Россия, тем самым помогая их предупредить. В этой связи, в частности, особый интерес вызывает «*The New China Playbook*», где анализируется гибридная модель Китая, сочетающая сильное государство (представленное X-институтами) с децентрализованным принятием решений на местном уровне (представленное Y-институтами) и гибкостью при адаптации заимствуемых из западных стран политик (*Jin, 2023*).

Поэтому в исследованиях авторского коллектива по теме государственного задания ««Институциональные основания и воспроизводственные факторы экономической политики России, способствующие переходу к экономике развития», изучение опыта КНР и сравнительный анализ воспроизводственных условий и особенностей развития российской и китайской экономик занимает важное место. Так, были рассмотрены макроэкономические условия, обеспечивающие высокие темпы роста Китая в сравнении с российской экономикой (*Маевский, Малков, Рубинштейн, 2023*), проанализирована китайская модель «государства развития» (*Волынский, 2024; Круглова, 2024*), исследован успешный опыт «социализации инвестиций» в КНР (*Кирдина-Чэндлер, 2025*). Работы в этом направлении продолжаются.

РАЗДЕЛ 2

ВОСПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ УСЛОВИЯ ПЕРЕХОДА К ЭКОНОМИКЕ РАЗВИТИЯ В РОССИИ

Для оценки воспроизводственных условий перехода к экономике развития предлагается дополнить список уже известных параметров (некоторые из них были представлены в предыдущем разделе) еще двумя. Они впервые обоснованы и разрабатываются членами нашего коллектива как необходимые параметры для оценки перехода к экономике развития в России.

Во-первых, предлагается учитывать динамику параметра энергопотребления в расчёте на душу населения³². С одной стороны, он представляет собой агрегированную оценку материально-воспроизводственных условий экономического развития страны, а, с другой стороны, характеризует социальную направленность использования мощностей национальной энергетики.

Во-вторых, для оценки эффективности действенности фискальной и монетарной политики в России предлагается отслеживать погодную динамику показателя s , представляющего отношение годового индекса инфляции к годовому темпу роста ВВП. Впервые данный параметр был представлен в (Маевский, 2024). Использование показателя s позволяет определить, в какой мере прирост номинального ВВП страны определяется темпом прироста реального ВВП и в какой мере – ростом инфляции, и тем самым оценить качество экономического роста.

В настоящем разделе даются перспективные оценки динамики предложенных показателей в России. Анализ показателей энергопотребления в России соотносится с самыми актуальными сопоставимыми данными Международного экономического обзора по КНР и США (2.1). Параметр s используется в ходе сценарных расчетов по прогнозу ключевых макроэкономических показателей России на 2026–2028 гг., учитывающего изменения в структуре совокупного спроса (2.2).

2.1. Энергетические условия перехода к экономике развития (в сравнении с КНР и США)

Ключевой воспроизводственный фактор развития – обеспеченность экономики энергией. На энергетических прорывах базировались скачки в развитии производительных сил в истории человечества (примеры последнего времени – тепловые машины, электромагнетизм и промышленные революции XVIII в. – начала XXI в.). На теоретическом уровне связь между энергией и прогрессом уходит корнями во всеобщие законы эволюции открытых неравновесных систем. Фундаментальную роль энергии в прогрессе социальных систем исследовали В. Оствальд, Г. Спенсер, Л. Уайт, В. Вернадский, Ф. Спир и др. (Плущевская, 2025).

Уайт утверждал, что наилучшим индикатором социального прогресса «культуры» (т.е. общества) выступает «количество энергии, освоенной ... на душу населения

³² Впервые обоснование роли данного параметра для оценки долгосрочной экономической динамики было представлено в докладе Плущевской Ю. Л. «Энергетические параметры «долгих веков» накопления капитала» на научном семинаре «Теория и моделирование воспроизводственных процессов в экономике» 17 декабря 2024 г. https://inecon.org/docs/2024/Plushetskaya_abstract_20241217.pdf

в год, ибо чем больше энергии освоила культура, тем более долгую, безопасную и комфортабельную жизнь она может обеспечить своим носителям» (цит по: *Лыниша*, 2001, с. 12). С середины XX в. стала доступна такая метрика энергетической обеспеченности экономики, как подушевое потребление первичной энергии³³. С ее помощью И. Моррис сравнивает «социальное развитие» цивилизаций Запада и Востока в период с 14 тыс. лет до н.э. по настоящее время³⁴ (*Моррис*, 2021), а У. Томпсон иллюстрирует свою гипотезу об энергетической стороне волн Кондратьева и циклов мирового лидерства (*Thompson*, 2012). Энергетические индикаторы продемонстрировали информативность в анализе вековых системных циклов накопления Д. Арриги (на примере британского и американского) и переходных периодов между ними, а также при сравнении экономической динамики в США и Китае на рубеже XX и XXI вв. (*Волинский, Плущевская*, 2024; *Плущевская*, 2026). Межстрановые сопоставления трендов в сфере энергетической обеспеченности позволяют выявить магистральные направления происходящей трансформации глобальной экономики.

В последние два десятилетия обеспеченность энергией росла в таких государствах ядра БРИКС, как Индия, Бразилия, КНР и Россия, причем в последних двух – быстрыми темпами (Рис.4). В США наблюдается тенденция к снижению показателя, но отрыв от значений в других странах сохраняется³⁵.

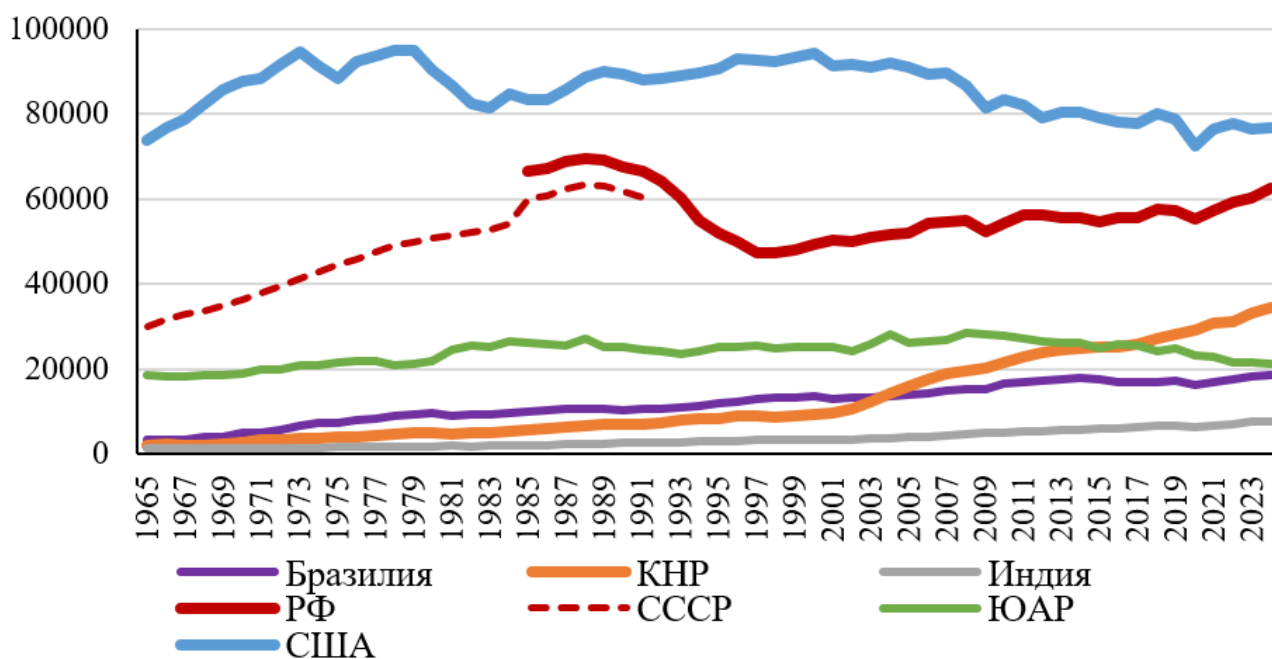


Рис. 4. Годовое подушевое потребление первичной энергии, 1965-2024, кВт*ч

Источник: <https://ourworldindata.org/grapher/per-capita-energy-use>

Подчеркнем, что высокий уровень подушевого потребления первичной энергии говорит не столько об энергозатратности экономики в смысле ее неэффективности,

³³ Потребление первичной энергии учитывает объемы энергии, извлекаемой из всех первичных энергетических ресурсов (невозобновляемых, возобновляемых, атомной энергии) с учетом потерь при трансформации, транспортировке и потреблении. Подробнее см.: (*Руководство по энергетической статистике*, 2007).

³⁴ Другими параметрами выступают «урбанизация», «обработка информации» и «способность вести войну».

³⁵ В сфере энергообеспечения США наблюдается тренд, аналогичный упомянутому в разделе 1.3 – при сохранении пока еще высоких (на фоне мировых уровней) значений некоторых экономических показателей их динамика внутри США имеет негативный характер.

сколько о способности хозяйственной системы извлекать из окружающей среды и использовать потоки энергии, необходимые для развития. Так, энергоэффективность, измеренная как отношение ВВП по паритету покупательной способности (ППС) в постоянных ценах 2021 г. к потреблению первичной энергии (в МВт*ч), в России с 2007 г. показывала растущий тренд и соответствовала значениям в Китае (рис. 5).

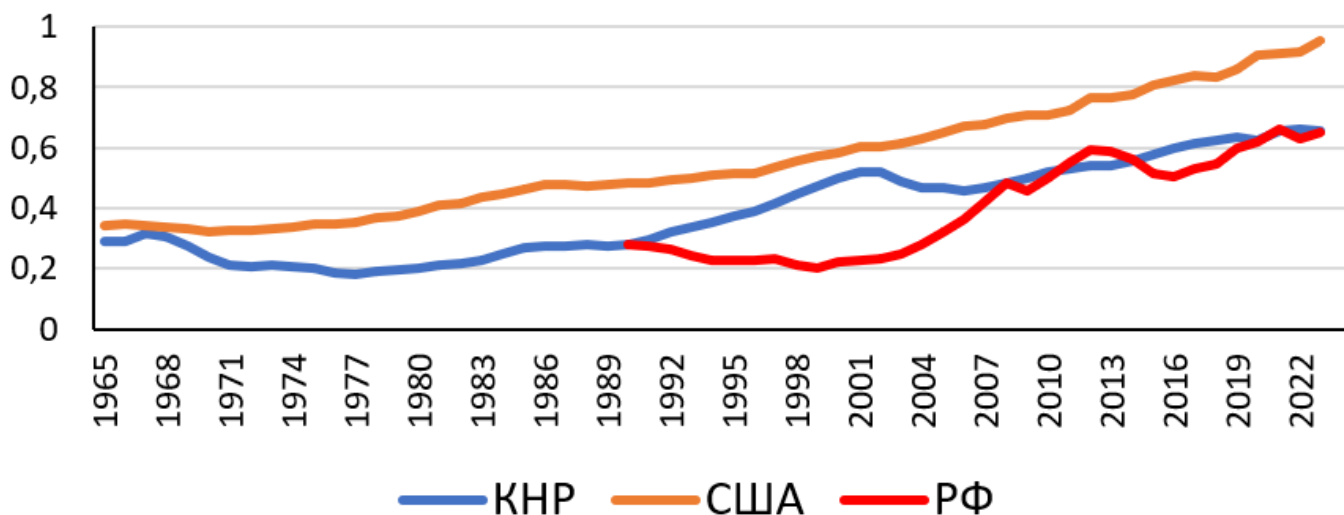


Рис. 5. ВВП (по ППС, в \$ 2021 г.) к подшевному потреблению первичной энергии (МВт*ч)
 Источники: <https://ourworldindata.org/economic-growth#all-charts>, <https://ourworldindata.org/grapher/per-capita-energy-use>, расчеты авторов

Хотя в России и КНР странах энергоэффективность была ниже, чем в США, говорить о повышенной энергозатратности российской экономики вряд ли приходится.

Чтобы судить об устойчивости указанных трендов и о долгосрочном воспроизводственном потенциале России и КНР, обратимся к прогнозу, подготовленному Управлением энергетической информации США и опубликованному в 2023 г. в последнем Международном энергетическом обзоре (далее – МЭО-2023)³⁶. Он, в частности, содержит сценарии потребления первичной энергии в России и КНР до 2050 г. (с шагом в 5 лет). Страновые отчетные данные за 2020 г. и прогнозы численности населения, необходимые для пересчета показателей в подшевое выражение, заимствованы из предыдущего выпуска МЭО и демографических прогнозов ООН. В нашем докладе используются оценки, представленные в базовом (консервативном) сценарии МЭО-2023 (Reference case).

Условия данного сценария предусматривают, что развитие России характеризуется продолжением эффективных внешних санкций, недостаточностью внутренних воспроизводственных факторов для преодоления их последствий, стагнацией в энергетике, слабостью совокупного спроса. Китай сохраняет мировое лидерство по объемам ВВП, успешно проводит «зеленую» перестройку энергетики, но к 2050 г. остается крупнейшим мировым нетто-импортером энергоносителей (на импорт нефти и газа приходится больше четверти энергоресурсов³⁷).

³⁶ Краткое описание подходов: <https://www.eia.gov/outlooks/ieo/narrative/index.php>. Полный доклад: https://www.eia.gov/outlooks/ieo/pdf/IEO2023_Narrative.pdf Данные: International Energy Outlook 2023. URL: <https://www.eia.gov/outlooks/ieo/data.php> (доступ: 17.02.2026)

³⁷ Отношение энергетического содержания импортированных ресурсов к общему первичному энергопотреблению.

На рис. 6 представлены прогнозы подушевого потребления первичной энергии в России, Китае и США.

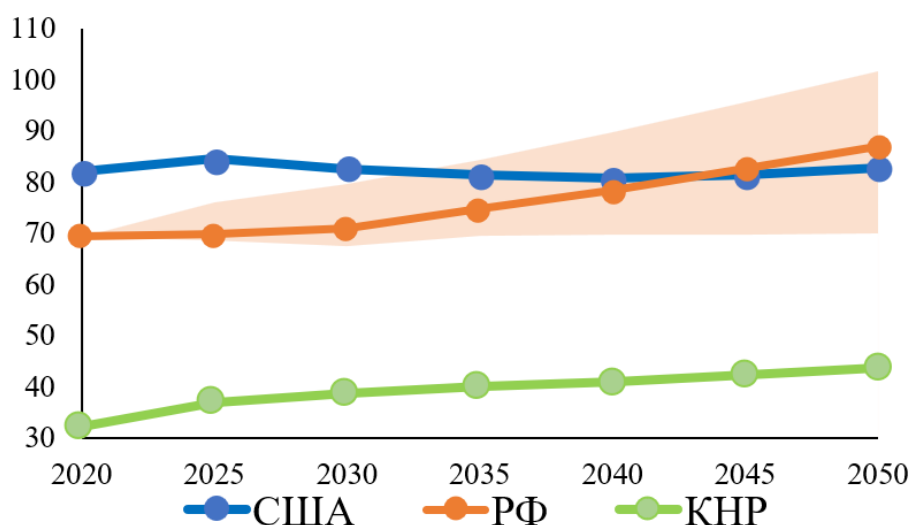


Рис. 6. Годовое потребление первичной энергии на душу, прогноз до 2050 г., МВт*ч
Источники: МЭО-2023, Стратегия-2050, расчеты авторов.

Прогнозируется, что энергетическая оснащенность России с 2030 г. растет быстрее, чем Китая. После 2040 г. уровень показателя в России становится выше, чем в США, где действует тенденция к умеренному снижению. Отставание Китая от обеих стран остается заметным на всем прогнозном горизонте³⁸.

Закрашенная область на рис. 6 – диапазон прогнозной обеспеченности энергией российской экономики, рассчитанной по данным энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года³⁹ (Стратегия-2050) и демографического прогноза Росстата⁴⁰. Линия базового сценария МЭО-2023 находится примерно в середине диапазона Стратегии-2050. С одной стороны, сопоставимость прогнозов, которые формировались автономно, может указывать на их реалистичность. Но, с другой стороны, с учетом характера предпосылок МЭО-2023, сценарии, заложенные в Стратегию-2050, следует оценить как весьма осторожные.

Поступающая статистика подтверждает излишне консервативный характер описанных сценариев. На рис. 7 представлены среднегодовые темпы прироста потребления первичной энергии в России, КНР и США: фактические (за 2020–2024 гг.) и по прогнозу МЭО-2023 (за 2020–2025 гг.).

³⁸ Примечательно, что низкие значения подушевого потребления первичной энергии в КНР в начале XXI века явились основанием сомнений У. Томпсона в возможностях страны претендовать на роль будущего мирового лидера (*Thompson*, 2012. Р. 71).

³⁹ Распоряжение Правительства РФ от 12 апреля 2025 г. № 908-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/LWYfSENa10uBrrBoyLQqAAOj5eJYIA60.pdf> (доступ: 17.02.2026)

⁴⁰ Он завершается 2046 годом, прогноз до 2050 г. продлен путем использования темпов роста населения в прогнозе МЭА-2023 (предыдущая динамика идентична, несмотря на небольшие различия в уровнях показателя).

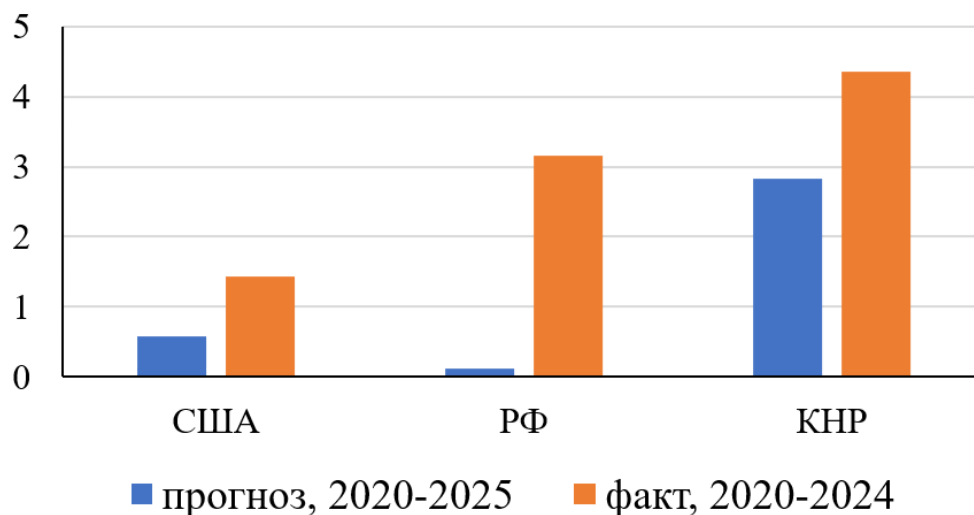


Рис. 7. Среднегодовые темпы прироста подушевого потребления первичной энергии, %
 Источники: МЭО-2023, <https://ourworldindata.org/grapher/per-capita-energy-use>,
 расчеты авторов

Во всех трех странах обеспеченность энергией росла быстрее, чем прогнозировалось. Более всего прогноз занижен по России – на 3,0 п.п. в год (по КНР – на 1,5 п.п., США – на 0,9 п.п.). Повышение энергетической обеспеченности в нашей стране хотя и отставало от КНР (на 1,2 п.п.), но было выше, чем в США (на 1,7 п.п.), несмотря на существенное осложнение условий развития с 2022 года.

Полученные результаты не являются неожиданными. Энергетический потенциал России опирается на системный фундамент, заложенный в СССР, природные богатства, мировое лидерство в наиболее высокотехнологичной сфере – атомной энергетике⁴¹.

Безусловно, реализация долгосрочных планов в области энергетики России сопряжена с существенными рисками. Часть из них отражена в Стратегии-2050⁴²; это технологические, трудовые, инфраструктурные, финансовые, ценовые и организационные ограничения и дисбалансы. К другим рискам, проявившимся после публикации этого документа, следует отнести недоучет роста спроса на энергию со стороны технологий, использующих искусственный интеллект; несогласованность между планами развития отраслей и регионов, с одной стороны, и энергетическими программами – с другой⁴³. Все это потребует внесения корректировок в доктринальные документы страны в сфере энергетики, постоянного мониторинга и дополнительных вложений.

КНР, на который России предлагается ориентироваться при переходе к экономике развития, демонстрирует в последние годы впечатляющие успехи. Тем не менее,

⁴¹ Российская атомная отрасль стоит на пороге реализации в промышленных масштабах технологий замкнутого ядерного топливного цикла, которые позволяют извлечь из природного урана примерно в сто раз больше энергии, чем при классической схеме, снимают вопросы о сырье на ближайшие несколько тысяч лет и позволяют решить проблему хранения ядерных отходов. См, например: *Стрекопытов В.* Вечная энергия. Риа Новости. Дата публикации: 21.11.2022. URL: <https://ria.ru/20221121/reaktory-1832434122.html> (доступ: 17.02.2026); *Емельяненко А.* Чистый атом: В России запустят первую в мире ядерную энергосистему замкнутого цикла. Специальный проект RG.RU «АТОМ-КЛАСС». URL: https://rg.ru/2025/10/14/chistyj-atom.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (доступ: 17.02.2026)

⁴² Компактное представление рисков, отраженных в Стратегии-2025, содержится в (Зоилов и др., 2025. С. 93–96).

⁴³ Эти проблемы озвучивались на VIII Международном форуме «Российская энергетическая неделя» в октябре 2025 г. и относились к развитию электросетей, угольной отрасли, ценообразованию, региональных топливно-энергетических балансов и др.

и китайская экономика сталкивается со значимыми рисками в энергетической сфере. Уже разработчики «Плана действий по инновациям в области энергетических технологий (2016–2030)» указывали на такие риски, как зависимость от импорта ключевых технологий, в том числе в области атомной энергетики, газовых турбин и пр., ограниченность ископаемого топлива, рост нагрузки на окружающую среду, низкую эффективность использования электроэнергии а также недостатки институциональных механизмов регулирования рынка электроэнергии в Китае⁴⁴. Среди стратегических национальных рисков авторы плана указывали на риски энергетической безопасности в условиях растущего энергопотребления и нестабильности внешних рынков, снижения национальной конкурентоспособности и отставания страны в темпах научно-технической революции, а также риски невыполнения международных обязательств по борьбе с изменением климата⁴⁵. Как можно видеть, многие из указанных рисков создают угрозы энергетической независимости, одной из трех важнейших составляющих энергетической безопасности.

Кроме того, ускоренный переход к чистым источникам генерации содержит в себе потенциальные угрозы еще одному компоненту энергетической безопасности – безопасности энергоснабжения, которая в том числе предполагает гарантии доступа потребителей к источникам энергии. Общеизвестно, что работа ветряных и солнечных электростанций (ВЭС и СЭС) отличается прерывистым характером; в энергосистеме они должны сочетаться с устойчивыми источниками энергии (среди них есть и «чистые» – АЭС и ГЭС), мощными системами хранения энергии и надежным управлением. В КНР наблюдается впечатляющий прогресс в области развития атомной энергетики, аккумуляции энергии и управления энергетическими потоками, но риски нельзя сбрасывать со счетов.

Таким образом, реализация энергетических стратегий Китая в их нынешнем виде сопряжена со значимыми рисками для двух из трех ключевых аспектов энергетической безопасности страны – независимости и надежности энергоснабжения. Они должны быть учтены на уровне долгосрочных сценарных прогнозов и планируемых мер.

При этом, как показывает прогноз МЭО-2023, даже с учетом колоссального прогресса энергетики КНР, достигнутого к 2023 г., и при условии успешного достижения целей действующей энергетической доктрины ожидаемая энергетическая обеспеченность Китая является недостаточной для обретения страной доминирующих позиций в мировой экономике. Все это указывает на высокую вероятность коррекции энергетических стратегий КНР.

Проведенный анализ энергетических воспроизводственных факторов России в сравнении с Китаем указывает на недооцененность потенциала экономического развития нашей страны. Безусловно, эскалация глобального противостояния, связанная с последними событиями в Ормузском проливе, приведет к пересмотру мировых энергетических прогнозов, вместе со стратегиями основных мировых игроков. Тем не менее, параметры энергетической обеспеченности России и реалистичность дол-

⁴⁴ План действий по инновациям в области энергетических технологий (2016–2030) [能源技术革命创新行动计划 (2016–2030年)]. Национальный комитет по развитию и реформам Китайской Народной Республики [中华人民共和国国家发展和改革委员会]. 7 апреля 2016. URL: <https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/tz/201606/W020190905517012835441.pdf>. Р. 4-7.

⁴⁵ Там же. Р. 4, 6.

госрочных планов страны дают основания предполагать, что корректировки в части нашей страны не будут радикальными, что обеспечит необходимые воспроизводственные условия для перехода России к экономике развития.

2.2. Сценарные расчеты условий макроэкономического воспроизводства экономики России с учетом изменений в структуре совокупного спроса

Как мы отмечали выше, России пока не удастся достичь устойчивых темпов роста – последние четверть века динамика приростов ВВП от года к году по-прежнему волатильна. Одна из причин состоит в устаревшей, на наш взгляд, монетарной политике Банка России, направленной в основном на сдерживание инфляции (инфляционное таргетирование)⁴⁶ для понижения совокупного спроса до уровня фактического предложения товаров и услуг, и её недостаточная интегрированность с фискальной политикой российских финансовых ведомств.

Однако мы полагаем, что понижать инфляцию и обеспечивать экономический рост возможно посредством *одновременного* приближения совокупного спроса к предложению и предложения к спросу, когда монетарная и фискальная политика поддерживают друг друга. При этом важное значение имеет *структура* совокупного спроса, представленная разделением на инвестиционный спрос (инвестиции в основной капитал) и неинвестиционный спрос (потребительские расходы и госзакупки).

Оценка эффективности такой взаимосвязанной политики осуществлена на основе сценарных прогнозных расчётов ключевых макроэкономических параметров российской экономики на 2026–2028 гг. Расчёты выполнены с помощью модели переключающегося режима воспроизводства (модели ПРВ), разрабатываемой в коллективе более 10 лет (Маевский, Малков, 2013; Маевский и др., 2023) и постоянно обновляемой. Для указанных расчётов использовалась версия модели ПРВ-2026. Суть новой версии в том, что поведение управляющих параметров модели удалось связать с поведением ключевой ставки Банка России. На этой основе был смитирован базовый сценарий прогноза макроэкономических показателей Банка России, а затем проведены собственные сценарные расчеты, демонстрирующие на примере управления бюджетными импульсами необходимость новых подходов к согласованию факторов спроса и предложения на уровне экономики в целом.

Исходным пунктом наших сценарных расчетов является следующая гипотеза: если бюджетный импульс направлен на цели воспроизводства основного капитала, то возникающую при этом инфляцию Банку России не следует подавлять методами повышения ключевой ставки: такая инфляция впоследствии исчезает в результате роста предложения товаров и услуг, порождённых бюджетным импульсом. Если же бюджетный импульс направлен на другие, не связанные с воспроизводством основного капитала, цели, то целесообразно использовать уже известные методы борьбы с инфляцией. Такая реакция Банка России позволит достичь более высоких макроэко-

⁴⁶ Эксперты МВФ, опираясь на результаты обследования данных об инфляции за 2022 год по 70 странам, обнаружили, что «во время инфляционного эпизода, вызванного не перегревом спроса, а внешними потрясениями, такими как война, волатильность энергоносителей, сбои в логистике, усилия центральных банков с политикой инфляционного таргетирования не привели к ощутимым результатам по сравнению с другими центральными банками» – инфляция чаще зависит не от повышенного спроса, а от проблем, возникающих со стороны предложения (<https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2025/11/14/1154825-mvf-postavil-effektivnost-targetirovaniya-inflyatsii-pod-sommenie> – доступ 12 декабря 2025 г.)

номических показателей в среднесрочном периоде, в том числе улучшит показатель s , представляющий отношение темпа роста потребительских цен к темпу роста ВВП⁴⁷.

В качестве *управляющих* параметров модели приняты:

- показатель μ – темп прироста денежной массы M ; $M = M_y + M_h$, где M_y – часть денежной массы, поступающая в экономику в форме инвестиционных денег (приравнена к валовым капитальным вложениям в основной капитал), M_h – другая часть денежной массы, поступающая в экономику в форме потребительских денег⁴⁸;
- показатель θ , определяющий долю прироста инвестиционных денег в приросте денежной массы ($\theta = \Delta M_y / \Delta M$, $1 - \theta = \Delta M^h / \Delta M$);
- показатель q , влияющий на структуру совокупного спроса через распределение денежного дохода в мезоэкономических подсистемах G_1 , G_2 , G_3 (отличающихся возрастом основного капитала) на инвестиционные и потребительские деньги, а также на соотношение темпа прироста ВВП и инфляции. Кроме того, показатель q можно рассматривать как предельную склонность мезоэкономических подсистем к инвестированию.

Кроме того, в ходе прогнозных расчётов использованы общепринятые управляющие показатели, такие как ключевая ставка, показатели бюджетной поддержки инвестиций⁴⁹.

В качестве прогнозируемых ключевых макропоказателей выступают:

- темпы прироста реального ВВП;
- инфляция, рассчитываемая в модели как индекс потребительских цен;
- темпы прироста валового накопления основного капитала;
- темпы прироста конечного потребления.

Рассматриваются два сценария, отличающиеся реакцией Банка России на инфляционные эффекты, порождаемые бюджетными импульсами – «консервативный» и «креативный».

«Консервативный» сценарий опирается на опыт 2023–2024 гг., когда реакция Центробанка на инфляцию, порождаемую бюджетными импульсами Минфина, сводилась к традиционной политике инфляционного таргетирования, т.е. к мерам погашения инфляции: ключевая ставка поднималась всё выше и выше ради того, чтобы сдерживать кредитную эмиссию и тем самым не допустить рост инфляции. Здесь уместно процитировать председателя Банка России Э.С. Набиуллину, которая видит

⁴⁷ Идея разработки данного показателя восходит к работам лауреатов Нобелевской премии Дж. Тобину, Дж. Миду и Ф. Модильяни. Свое обобщение она получила в статье (Маевский, 2024). Известно, что моделях DSGE используется так называемый коэффициент жертвенности (*sacrifice ratio*), который показывает, сколько процентных пунктов потеряет темп прироста ВВП при снижении инфляции на один процент (Ascari, Ropele, 2010). Формально данный коэффициент близок к показателю s . Однако в экономическом аспекте данный показатель имеет смысл только тогда, когда инфляция подавляется посредством снижения совокупного спроса. Если же с инфляцией бороться путем роста предложения товаров и услуг, как предполагается в наших расчётах по модели ПРВ, коэффициент жертвенности теряет свое значение.

⁴⁸ Инвестиционные и потребительские деньги – новые экономические категории, обозначающие *превращенные формы* двух составных частей денежной массы M_2 . Инвестиционные деньги – это часть денежной массы, *превращенная в денежный капитал*, который расходуется в виде инвестиций в основной капитал и таким образом трансформируется из запаса в поток. Потребительские деньги – *превращенная форма* другой части денежной массы, которая представляет все то, что не трансформируется в годовой объем инвестиций в основной капитал (подробнее см. Маевский, 2025а).

⁴⁹ «Внутри» модели используются также макроэкономические аналоги показателя рентабельности активов (ROA) и дифференциала финансового рычага. Они применяются для согласования поведения управляющих параметров модели показателей с показателями, применяемыми на практике.

в отношениях между Минфином и Банком России нечто, напоминающее «сообщающиеся сосуды: чем больше денег экономика получит со стороны бюджета, тем меньше – со стороны кредита частному сектору, и наоборот»⁵⁰.

В результате такого рода взаимодействий между двумя ведомствами в 2023–2024 гг. через бюджетные импульсы в экономику России пришло примерно 15–16 трлн дополнительных рублей⁵¹, при этом ключевая ставка поднялась с 7,5% до 21%, а инфляция к концу 2024 г. достигла 9,52%. Экономика в целом выиграла: темп прироста ВВП превысил 4% (прежде всего, за счет обрабатывающей промышленности, а внутри нее – блока отраслей, вовлеченных в обслуживание Специальной Военной Операции). Но в проигрыше оказалась та часть экономики, которая не имела государственной поддержки и была вынуждена пользоваться чрезмерно дорогими кредитами (это в основном предприятия малого и среднего бизнеса). Проиграл и Банк России: ему не удалось приблизиться к 4%-ному таргету по инфляции.

В наших прогнозных расчётах на 2026–2028 гг. по консервативному сценарию мы вменяем Банку России аналогичную политику, чтобы оценить уровень ожидаемых макроэкономических параметров.

«Креативный» сценарий отличается реакцией Центробанка на инфляцию, порождаемую *инвестиционными* бюджетными импульсами, т.е. направленными на цели воспроизводства основного капитала – он не повышает ключевую ставку для ее подавления. Мы обосновываем это тем, что эффект от бюджетных расходов в воспроизводство основного капитала с определенным лагом материализуется в росте предложения товаров и услуг, а этот рост в свою очередь нейтрализует инфляцию, вызванную инвестиционным бюджетным импульсом. Другими словами, представляется некорректным подавлять дважды одну и ту же инфляцию: один раз снижением спроса, другой – ростом предложения. Должно быть что-то одно. И так как рост предложения товаров и услуг в подавляющем большинстве случаев есть неизбежное следствие бюджетного импульса такого рода, то именно Банк России должен в наших расчетах по модели ПРВ отказаться от подавления инфляции в рассматриваемой ситуации.

Итак, при проведении прогнозных расчетов мы исходим из предположения, что Минфин пересмотрел запланированную на 2026–2028 гг. программу сокращения бюджетного импульса и решил его увеличить. Другими словами, к уже имеющейся программе государственного участия в развитии производства (той, которая включена в утвержденный на всех уровнях вертикали власти прогноз темпов прироста денежной массы μ) Минфин добавил в виде некоторого $\Delta\mu$ дополнительный *инвестиционный* бюджетный импульс (например, на инвестиции в технологическое обновление производства и трудосберегающий основной капитал для борьбы с дефицитом рабочей силы). В результате возникает инфляционный эффект, последствия которого мы смоделируем в консервативном и креативном прогнозных сценариях макроэкономического воспроизводства России в 2026–2028 гг.

Исходные значения управляющих параметров r_0 , q_0 , μ_0 , θ_0 были получены на основании предварительных расчётов по модели ПРВ, согласованных по основным параметрам с базовым сценарием Центробанка России (*Банк России...*, 2025. С. 69):

⁵⁰ <https://cbr.ru/press/event/?id=26932>

⁵¹ Бюджетный импульс в 2023 г. составил 8,3 трлн. руб. На 2024 г. оценка размера импульса не публиковалась, но вероятно она близка к оценке за 2023 г.

- ключевая ставка r_0 равна 13% в 2026 г., 7,5% в 2027 г., 7,5% в 2028 г.;
- параметр q_0 равен 1,034 в 2026 г., 1,017 в 2027 г., 1,017 в 2028 г.;
- темп прироста денежной массы μ_0 равен 6,65% в 2026 г., 7,0% в 2027 г., 7,0% в 2028 г.;
- параметр θ_0 ($=M_Y/M$) равен 0,4 в 2026–2028 гг.

Добавление инвестиционного бюджетного импульса (которого нет в базовом сценарии Банка России) мы приняли на уровне 2 трлн. руб. ежегодно в 2026–2028 гг. и, соответственно, пересчитали значения показателей μ_0 и θ_0 . По нашим расчетам, новые значения в 2026–2028 гг. составят соответственно: $\mu_1 = 8,21; 8,33; 8,13\%$ и $\theta_1 = 0,513; 0,503; 0,497$.

Затем мы оценили размер инфляционного эффекта, вызванного заданным инвестиционным бюджетным импульсом. Расчеты по модели ПРВ показали, что, если без роста бюджетного импульса уровень инфляции в 2026 г. составлял по прогнозу 5,59%, то с учетом бюджетного импульса он составляет 7,15%. Таким образом, прирост инфляции в размере 1,56 п. п. и отражает тот инфляционный эффект, который вызывает инвестиционный бюджетный импульс.

В зависимости от предусмотренной консервативным и креативным сценариями реакции Банка России на данный прирост инфляции были рассчитаны прогнозные значения ключевых макроэкономических параметров макроэкономического воспроизводства по годам (табл. 1).

Таблица 2. Сравнение прогноза ключевых макропоказателей, рассчитанных по креативному и консервативному сценариям, %

	2025	2026	2027	2028	Среднегодовой темп 2026/2028
Темп прироста ВВП:					
креативный сценарий	1,0	2,46	2,88	3,34	2,89
консервативный сценарий	1,0	1,00	1,84	1,94	1,59
Инфляция:					
креативный сценарий	5,6	7,15	4,92	4,20	5,42
консервативный сценарий	5,6	5,59	5,85	4,65	5,36
Темп прироста валового накопления основного капитала:					
креативный сценарий	1,0	5,35	2,31	2,47	3,37
консервативный сценарий	1,0	1,00	3,49	1,35	1,94
Темп прироста конечного потребления:					
креативный сценарий	1,0	1,0	3,18	3,79	2,65
консервативный сценарий	1,0	1,0	1,00	2,25	1,41
Коэффициент s					
креативный сценарий	—	1,046	1,020	1,008	1,025
консервативный сценарий	—	1,046	1,039	1,027	1,037

Сравнение показателей по креативному и консервативному сценариям очевидно демонстрирует преимущество первого из них. Отметим, что значение показателя s , представляющего отношение темпа роста потребительских цен к темпу роста ВВП,

также показывает преимущество креативного сценария. Напомним, что чем больше отклонение данного показателя от 1, тем в большей мере инфляция обгоняет рост ВВП, и тем ниже в этом смысле эффективность экономической динамики. Расчеты показывают, что креативный сценарий (когда среднегодовой $s = 1,025$) оказывается заметно предпочтительнее консервативного (среднегодовой $s = 1,037$).

Креативный сценарий особенно актуален в текущей экономической ситуации, когда экономика России находится в затяжной стагнации и остро нуждается в инвестиционных бюджетных импульсах, способных ускорить экономический рост и содействовать становлению в России экономики развития. Мы полагаем целесообразным провести дальнейшую экспертизу представленных расчетов (их детальное описание есть в рабочих материалах для подготовки к докладу) и в случае положительных результатов направить соответствующие рекомендации лицам, принимающим решения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основная цель исследований по теме государственного задания в завершающем 2026 г. году состоит в том, чтобы на основе систематизации теоретических разработок и мировой практики в сфере экономики развития предложить обоснованные сценарии перехода к экономике развития в России.

В рамках данной цели решены следующие основные задачи:

- уточнены основные глобальные тренды современной экономической динамики и политики; выявлено, что одним из важнейших является повсеместный переход стран к экономике развития на основе разрабатываемых на глобальном и национальном уровнях *New Economic Playbooks* («Новых экономических руководств») с разнообразным и все более удаляющимся от Вашингтонского консенсуса набором инструментов экономической политики в условиях наблюдаемого замедления темпов экономического роста и реализующих логику Концепции устойчивого развития ООН;
- обоснована целесообразность для России опоры на опыт Китая как носителя прогрессивных практик в области экономики развития;
- список уже известных параметров, характеризующих «уровень экономики развития», предлагается дополнить еще двумя: во-первых, показателями душевого энергопотребления, отражающего агрегированную оценку материально-воспроизводственных условий экономического развития страны и одновременно социальную направленность использования мощностей национальной энергетики, и, во-вторых, показателем s , представляющим отношение среднегодового индекса инфляции к среднегодовому темпу роста ВВП – он показывает, в какой мере прирост номинального ВВП страны определяется темпом прироста реального ВВП и в какой мере – ростом инфляции, что позволяет оценить качество экономической динамики;
- на основе обновленной модели переключающегося режима воспроизводства (ПРВ-2026) проведены прогнозные расчеты ключевых макроэкономических показателей России на период 2026–2028 гг. с учетом изменений в структуре совокупного спроса по двум сценариям с дополнительными бюджетным импульсами: при *консервативном* сценарии Банк России использует известные меры погашения возникающей инфляции ростом ключевой ставки, а при *креативном* сценарии он действует в тесной связи с Минфином и реагирует более избирательно; продемонстрирована экономическая эффективность *креативного* сценария, что подтверждает необходимость дальнейшей интеграции фискальной и монетарной политик, что характерно для экономик развития.

Авторы надеются, что полученные результаты могут стать вкладом в решение стоящих перед экономической политикой страны задач и способствовать тому, «чтобы экономический рост становился более основательным и устойчивым»⁵², а применение знаний и инструментов в сфере экономики развития постоянно расширялось.

⁵² Путин В. В. Совещание по экономическим вопросам. Москва, Кремль. 15 мая 2026 г. <http://kremlin.ru/events/president/news/79756>Владимир.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Соотнесение положений экономики развития как академической субдисциплины, концепции устойчивого развития ООН и политики *New Playbook in Economy*

Современная экономическая политика, чтобы быть эффективной, требует, во-первых, актуального теоретического осмысления и понимания, во-вторых, своего рода «нормативного компаса», задающего основные перспективные направления, и, в-третьих, операционального набора стратегических инструментов для решения сложных социально-экономических (и не только) задач. Комплексный и взаимосвязанный ответ на эти требования в совокупности дают, во-первых, экономика развития как академическая субдисциплина, во-вторых, сформулированные в концепции ООН цели устойчивого развития (ЦУР), и, в-третьих, *New Playbook in Economy* (Новые экономические руководства), где систематизирован набор требований и конкретных стратегических инструментов. Можно сказать, что экономика развития – это аналитическая основа, ЦУР – это нормативная рамка, а *New Playbook* – операциональная стратегия той экономической политики, которая отвечает вызовам XXI века. Рассмотрим каждый из этих элементов подробнее.

Экономика развития представляет собой одно из направлений гетеродоксальной (преимущественно) экономической мысли, имеющей долгую историческую традицию. Её интеллектуальная предыстория насчитывает несколько столетий. Истоки экономики развития находят в работах меркантилистов XVII в., в классической политической экономии, прежде всего в трудах К. Маркса, и в разнообразных концепциях «экономического национализма» XIX в. (например, А. Гамильтона и Ф. Листа), в оригинальном американском институционализме и эволюционной концепции Й. Шумпетера начала XX в. и др. (Кирдина-Чэндлер, 2024в).

С конца 1940-х гг. в рамках экономической теории экономика развития начинает формироваться как отдельная субдисциплина, необходимая для более глубокого анализа «незападных» развивающихся экономик (Hassan, 2024). Причиной послужила недостаточная эффективность практических рекомендаций, основанных на неоклассической теории роста. Они предлагались экономическими советниками развитых западных стран и международных организаций для стран Латинской Америки, затем Азии, а также других стран мировой периферии, которые пытались выйти из ловушек колониальной экономики. Речь идёт о неолиберальных экономических рецептах МВФ и Всемирного банка, основанных на так называемом Вашингтонском консенсусе 1989 г.⁵³ Его ключевые идеи опирались на предпосылки теории роста и рыночного равновесия: «Неявное предположение, по-видимому, заключалось в том, что, если рынку позволить делать свою работу, экономический рост естественным образом последует за этим»⁵⁴. Поэтому ядро рекомендаций содержало предложения по приватизации, либерализации и дерегулированию, фискальной консолидации и др.

⁵³ https://www.piie.com/commentary/speeches-papers/what-washington-means-policy-reform?spm=a2ty_o01.29997173.0.0.639155fbjecsR4

⁵⁴ Besley et al., 2025. P. 7.

Однако экономика развития, вбиравшая в себя такие направления как структурализм, теории зависимости, институциональная экономика и др., обращала внимание на те факторы, механизмы и условия, которые являются не менее, а зачастую более значимыми для благоприятной социально-экономической динамики. Экономика развития объясняет механизмы роста и трансформации экономик, которые направлены на достижение не только количественных, но и качественных целей, включая структурную и технологическую сложность, социальное благополучие населения и заботу об окружающей среде; она обращает внимание на необходимость преимущественно суверенной и эндогенной основы экономического роста, взаимодействие механизмов экономической координации (микро-мезо-макро) с главенствующей ролью государства, а также обосновывает важность на данном этапе не столько разграничения мандатов фискальной и монетарной политик, сколько потребность их интеграции в рамках единой стратегии развития.

Разработки в области экономики развития, да и сама социально-экономическая ситуация большинства стран привели к тому, что в экономическом и политическом сообществе нарастала неудовлетворённость теми показателями и целями, которые предлагались в доминирующих теориях экономического роста для оценки успешности экономической динамики. Речь в них шла о количественном росте ВВП, в том числе на душу населения, о росте доходов и сокращении бедности. Однако экологический кризис, загрязнение окружающей среды, истощение ресурсов в ходе массовой индустриализации и распространённость нерациональных моделей потребления ставили под угрозу будущее экономическое развитие глобального человечества. Поэтому доклад Всемирной комиссии ООН по окружающей среде и развитию 1987 г., известный ныне как Брунтландский доклад по фамилии основного автора, получил широкую поддержку. В докладе Гру Харлем Брунтланн (норв. *Gro Harlem Brundtland*) сформулировала ставшее хрестоматийным определение: «Устойчивое развитие – это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности»⁵⁵. В 2000 г. были обозначены 8 целей устойчивого развития для горизонта до 2015 г., а в 2015 г. на период до 2030 г. было выделено уже 17 ЦР и 169 задач. В 2023 г. на Глобальном саммите по Целям устойчивого развития (SDG 2023) была принята «Политическая декларация Форума высокого уровня по устойчивому развитию», где была проведена оценка прохождения «половины пути» по достижению поставленных целей⁵⁶.

Постановка целей и определение направлений движения к устойчивому развитию, при всей их значимости были, однако, недостаточны для практики. Во-первых, они носили общий характер и не учитывали локальной специфики тех стран, которые стремились к устойчивому развитию. Во-вторых, требовалась операционализация этих целей для разработки конкретных инструментов их достижения. Другими словами, «нормативный компас» ЦУР необходимо было дополнить более конкретными политическими документами. Ими стали сборники *New Economic Playbook* (Новые экономические руководства), которые стали активно разрабатываться в различных сферах мировой и национальных экономик с начала 2020-х гг. Они позволяли имплементировать операци-

⁵⁵ https://digitallibrary.un.org/record/139811/files/A_42_427-EN.pdf

⁵⁶ <https://www.un.org/en/conferences/SDGSummit2023/political-declaration>

ональные стратегии развития в политику национальных правительств, адаптируя политические инструменты к локальным условиям стран и отраслей.

Теоретико-методологической базой для разработки *New Economic Playbook* послужили современные достижения экономики развития, обобщенные в практических разработках.

В экономической политике термин *New Playbook* относится к самым свежим инициативам по поиску преемника Вашингтонского консенсуса как совокупности взаимосвязанных рекомендаций для поддержки социально-экономической динамики, необходимых в новых условиях турбулентности и замедления темпов роста мировой экономики. По сути, входящий с 2025 г. в глобальный экономический дискурс, *New Playbook* предлагает новые «правила игры» для мировой экономики и социально-экономического развития. Авторы этого термина – экономисты Тим Бесли (*Tim Besley*), Андрес Веласко (*Andrés Velasco*) и Ирен Бучелли (*Irene Bucelli*), обобщили подходы большой группы экономистов в монографии, которая вышла под их редакцией и была названа ими «Лондонский консенсус»⁵⁷. На основе вошедших в монографию работ они опубликовали свою авторскую программную статью, посвященную изложению основ *New Economic Playbook*⁵⁸. Авторы продвигают идеи «прогрессивной экономики предложения» (*supply-side progressivism*), делают акцент на инновациях, создании качественных рабочих мест, сильной антимонопольной политике, устойчивости (*resilience*) и способности государства активно управлять этими процессами.

Термин *New Playbook* одновременно был закреплён на уровне главных международных финансовых институтов. Так, главный экономист Всемирного банка Иnderмит Гилл (*Indermit Gill*) и М. Айхан Косе (*M. Ayhan Kose*) в январе 2025 г. опубликовали соответствующую статью с рекомендациями в духе *New Playbook* для развивающихся стран⁵⁹. *New Economic Playbook* можно считать маркером окончания эпохи неолиберальной глобализации 1990-х гг. и возвращением государства в экономику не как дирижёра, но как архитектора инноваций, «хороших» рабочих мест и экологической устойчивости.

Можно видеть, что теория экономики развития, концепция ЦУР и *New Playbook* дополняют друг друга. Их объединяет признание в теории и на практике необходимости перехода экономики от количественного роста к качественному развитию, пересмотр роли государства от «наблюдателя» к стратегическому архитектору, внимание к институтам, в т.ч. к политическим возможностям и политическим ограничениям экономической динамики. Экономика развития обеспечивает теоретико-аналитический инструментарий, ЦУР задают систему координат для оценки экономических изменений, а *New Playbook* предлагают операционализацию и адаптацию экономической стратегии и политики к локальным условиям.

⁵⁷ Besley, T., Bucelli, I. and Velasco, A. (eds). 2025. The London Consensus: Economic Principles for the 21st Century, London: LSE Press.

⁵⁸ Besley T., Velasco A. A New Economic Playbook for Policymakers, Project Syndicate. Nov 11, 2025 (<https://www.project-syndicate.org/commentary/successor-to-washington-consensus-must-get-politics-right-by-tim-besley-and-andres-velasco-2025-11> – доступ 7 июня 2026).

⁵⁹ Gill, I., Kose, M.A. 2025. Why developing economies need a new playbook. January 22, 2025. <https://blogs.worldbank.org/en/voices/why-developing-economies-need-a-new-playbook> (доступ 11 июня 2026).

ЛИТЕРАТУРА

- Аузан А.А. 2022. Культурные коды экономики. Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. М.: «Издательство АСТ».
- Банк России: Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2026 год и период 2027 и 2028 годов. 2025. Москва: Банк России.
- Верников А.В., Курышева А.А. 2024. Теоретические подходы к изучению финансиализации экономики // *AlterEconomics*. № 2 (21). С. 179–203.
- Веселов Д. А. 2025. От теории роста к теории развития: за пределами стационарных траекторий // *AlterEconomics*. Т. 22. № 1. С. 83–102.
- Волкова М. Д., & Круглова М. С. 2024. От демографического дивиденда к устойчивому развитию КНР в условиях стареющего населения: взгляд китайских экспертов. *Russian Journal of Economics and Law*. № 18(3).
- Волынский А.И. 2024. Промышленная политика и государство развития: к актуализации понятия // *Russian Journal of Economics and Law*. № 4. С. 849–862.
- Волынский А.И. 2025. Банковский сектор КНР как инструмент реализации стратегий промышленной политики: институциональный аспект // *Russian Journal of Economics and Law*. № 9 (4). С. 723–737.
- Волынский А.И., Круглова М.С. 2024. Китайские инвестиции в России в контексте внешнеэкономической стратегии КНР // *Общество и экономика*. № 9. С. 57–72.
- Волынский А.И., Плущевская Ю.Л. 2024. Переход к новому системному циклу накопления: место Китая // *Journal of Institutional Studies*. №16(4). – С. 113–127.
- Глазьев С.Ю. 1997. Долговая экономика: монетарный, производственный и властный аспекты. // *Вопросы экономики*. №4. с.42–57.
- Глазьев С.Ю. 2015. Нищета и блеск российских монетаристов. // *Экономическая наука современной России*. Т. 69. № 2. С. 7–21.
- Глазьев С.Ю., Сухарев О.С. 2025. Экономический рост и монетарная политика в России // *Journal of New Economy*. Т. 26. № 1. С. 6–30.
- Зоидов К. Х., Борталевич С. И., Вавулин В. А., Круглова Л. О. 2025. Организационно-экономические механизмы развития энергетической отрасли России в контексте энергостратегии до 2050 года // *Региональные проблемы преобразования экономики*. № 5(175). С. 85–98.
- Кирдина С.Г. 2014 [2001, 2000]. Институциональные матрицы и развитие России. Введение в Х-У-теорию (3-е изд., перераб., расш. и иллюстр). М., Санкт-Петербург: Нестор-История. 468 с.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. 2023. Теория институциональных Х- и У-матриц: новые результаты и актуальные вызовы: Препринт. М.: Институт экономики РАН, 2023. 60 с.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. 2024а. К проблеме эмпирических исследований в институционально-эволюционной экономике, или снова о принципе методологического институционализма // *Journal of Institutional Studies*. № 4(16). С. 60–71.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. 2024б. Становление нового мирового порядка: вызовы для российского обществоведения // *Социологические исследования*. № 6. С. 29–41.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. 2024в. Теории экономического развития vs теории экономического роста: взгляд институционалиста // *Вопросы политической экономии*. № 4 (40). С. 142–162.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. 2025. Социализация инвестиций как драйвер экономики развития (на примере КНР) // *Terra Economicus*. 2025. № 23(4). С. 6–20.
- Круглова М.С. 2024. Китайская модель государства развития: обзор исследовательской литературы // *Вопросы теоретической экономики*. № 4. С. 215–224.
- Круглова М.С. 2025. Структурная трансформация экономики КНР в условиях демографического спада как условие устойчивого развития // *Russian Journal of Economics and Law*. №19 (4). С. 738–753.
- Лыньша В. А. 2001. Гордон Чайлд и американский неозволюционизм // *Этнографическое обозрение*. № 5. С. 3–17.
- Маевский В. И. 2024. О возможности таргетирования экономического роста: теоретический аспект // *AlterEconomics*. № 2(21). С. 159–178.
- Маевский В. И., Малков С. Ю. 2013. Новый взгляд на теорию воспроизводства М.: ИНФРА-М.
- Маевский В. И., Малков С. Ю., Рубинштейн А. А. 2025. Связь эмиссии и инфляции в долгосрочном периоде: теоретический анализ // *Экономическая наука современной России*. № 4(28). С. 5–21.
- Маевский В.И. 2025а. Белые пятна в ортодоксальной экономической теории // *Экономическое возрождение России*. № 2(84). С. 40–56.
- Маевский В.И. 2025б. Белые пятна и кризис ортодоксальной экономической теории // *Journal of Institutional Studies*. № 4 (17). С. 86–99.

- Маевский В.И., Малков С.Ю., Рубинштейн А.А. 2023. Макроэкономические условия перехода России к высоким темпам роста: опыт Х-экономики Китая // Вопросы экономики. № 10. С. 98-123.
- Маевский В.И., Малков С.Ю., Рубинштейн А.А. 2024. К дискуссии о переключающемся режиме воспроизводства // Вопросы экономики. № 7. С. 136-153.
- Малков С.Ю., Рубинштейн А.А. 2025. Модель переключающегося режима воспроизводства с континуальным множеством производственных подсистем в условиях сбалансированного роста // Компьютерные исследования и моделирование, т.17, №3, с.501–519.
- Моррис И. 2021. Сравнительная история цивилизаций. Почему властвует Запад ... по крайней мере пока еще. Закономерности истории, и что они сообщают нам о будущем. М.: Карьера Пресс.
- Нуреев Р.М. (отв. ред.). 2016. Экономическая история России. Опыт институционального анализа. М.: Кнорус.
- Пикетти Т. 2023. Общества неравенства. М.: Родина.
- Плущевская Ю.Л. 2024. Модель «векового» цикла накопления финансового капитала // Экономика и математические методы. № 3 (60). С. 30–42.
- Плущевская Ю.Л. 2025а. Сравнение концепций волн Кондратьева // AlterEconomics. № 4. С. 565-587
- Плущевская Ю.Л. 2025б. Энергетические параметры накопления глобального капитала // Вопросы политической экономики. № 3(43). С. 147–162.
- Плущевская Ю.Л. 2026. Волны Кондратьева как фазы системных циклов накопления Д. Арриги: теоретические основы и эмпирическая верификация // Вопросы теоретической экономики. №2. С. 46–67.
- Полтерович В.М. 2006. Стратегии институциональных реформ: Китай и Россия // Экономика и математические методы. Т. 42. № 2. С. 3-16.
- Полтерович В.М. 2016. Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России). М.: ЦЭМИ РАН, МШЭ.
- Попов В.В. 2025. Китайская модель. Почему Китай раньше отставал от Запада, а теперь его обгоняет. М.: Fortis Press.
- Руководство по энергетической статистике. 2007. ОЭСР, Международное энергетическое агентство, Евростат. Париж: ОЭСР/МЭА. https://rosstat.gov.ru/metod/ManualRussian_web.pdf
- Симачев Ю., Кузык М., Кузнецов Б., Погребняк Е. 2014. Россия на пути к новой технологической промышленной политике: среди манящих перспектив и фатальных ловушек. // Форсайт. Т. 8. № 4. С. 6-23.
- Симачев Ю.В., Кузык М.Г. 2020. Государственная поддержка предприятий: бенефициары и эффекты // Вопросы экономики. № 3. С. 63-83.
- Симачев Ю.В., Кузык М.Г., Иванов Д.С. 2012. Российские финансовые институты развития: верной дорогой? // Вопросы экономики. № 7. С. 4-29.
- Симачев Ю.В., Федюнина А.А., Кузык М.Г. 2022. Российская промышленная политика в условиях трансформации системы мирового производства и жестких ограничений // Вопросы экономики. № 6. С. 5-25.
- Толкачев С.А., Левин С.Н., Макарова И.В. 2024. Новая экономика развития как методологическая и мировоззренческая дисциплина // Journal of Economic Regulation. Т. 15. № 1. С. 105-117
- Фомин Д.А. 2024. Война и экономический рост: чему XX век может научить современную Россию? // Journal of Institutional Studies 16(3): 19–37.
- Широв А. А., Белоусов Д. Р., Блохин А. А., Гусев М. С., Клепач А. Н., Узяков М. Н. 2024. Россия 2035: новое качество национальной экономики // Проблемы прогнозирования. № 2. С. 6-20.
- Arrighi, G. 1994. The long twentieth century: money, power, and the origins of our times. London: Verso.
- Ascari, G., Ropele, T. 2010. Sacrifice ratio or welfare gain ratio? Disinflation in a DSGE monetary model. Economic working papers 736, Bank of Italy, Economic Research and International Relations Area.
- Besley, T., Bucelli, I. and Velasco, A. (eds). 2025. The London Consensus: Economic Principles for the 21st Century, London: LSE Press.
- Bresser-Pereira L.C., Oreiro J.L. 2024. A brief history of development theory. From Schumpeter and Prebisch to new developmentalism // Revista de Economia Política [Brazilian Journal of Political Economy]. Vol. 44. № 1. P. 5-28.
- Chang H.-J. 2007. State-owned Enterprise Reform. / In: UNDESA (United Nations Department of Social and Economic Affairs). National Development Strategies – Policy Notes, New York: United Nations. Pp. 113–156.
- Chang H.-J. 2010. Institutions and economic development: theory, policy and history // Journal of Institutional Economics. Vol. 7. № 4. P. 473-498.
- Chang, H.-J. (Ed.) 2003. Rethinking Development Economics. London: Anthem Press.

- Daly, H.E. 2007. *Ecological Economics and Sustainable Development, Selected Essays*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing Limited.
- Fogel R.W. 2009. The Impact of the Asian Miracle on the Theory of Economic Growth. NBER Working Paper № 14967. May 2009.
- Hassan, H.I. 2024. Economic development theory: Exploring concepts and theoretical foundations for promoting sustainable growth // *International Journal of Financial Management and Economics*. Vol 7. № 2. P. 294-302.
- Jasinski, J. M., Velli, M. 2025. The Sun Reversed Its Decades-long Weakening Trend in 2008. // *The Astrophysical Journal Letters*, Volume 990, Number 2.
- Jin, K. 2023. *The New China Playbook: Beyond Socialism and Capitalism*. Viking/Penguin.
- Juhász, P., Lane, N., Rodrik, D. 2024. The New Economics of Industrial Policy // *Annual Review Economics*. No 16. P. 213-242.
- Kelton S. 2020. *The Deficit Myth: Modern Monetary Theory and the Birth of the People's Economy*. PublicAffairs.
- Kirdina-Chandler S. 2017. Institutional matrices theory, or X-and Y-theory: A response to F. Gregory Hayden // *Journal of Economic Issues*. Vol. 51. № 2. P. 476-485.
- Lawrence, M., Janzwood, S., Homer-Dixon T. 2022. *What is a global polycrisis? And how is it different from a systemic risk?*. Technical Paper #2022-4. Version Number: 2.0. September 16.
- Lin, J.Y. 2012. *New Structural Economics: A Framework for Rethinking Development*. World Bank Publications.
- Lin, J.Y. 2021. New structural economics: A framework of studying government and economics // *Journal of Government and Economics*, Elsevier. Vol. 2. Article 100014. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2667319321000148>
- Mazzucato, M. 2021. *Mission Economy: A Moonshot Guide to Changing Capitalism*. New York, NY: Harper Business.
- Meier, G.M., Rauch, J.E. 2005. *Leading Issues in Economic Development*. 8th ed. Oxford: Oxford University Press.
- Minsky, H. P. 1986. Stabilizing an Unstable Economy. *Hyman P. Minsky Archive*. 144. https://digitalcommons.bard.edu/hm_archive/144
- Minsky H.P. 1975. *John Maynard Keynes*. New-York, NY: Columbia University Press.
- Minsky, H. P. 1992. *The Financial Instability Hypothesis*. Working Paper No. 74. May. Annandale-on-Hudson, NY: The Jerome Levy Economics Institute of Bard College.
- Mueller, M. L., Farhat, K. 2022. Regulation of platform market access by the United States and China: Neomercantilism in digital services // *Policy & Internet*. №
- Rakowski, J., Schaan, L.N., van Klink, R., Herzon, I., Arth, A., Hagedorn, G., Rode, J., Creutzinger, F., and Pe'er, G. 2025. Characterizing the global polycrisis: a systematic review of literature // *Annual Review of Environment and Resources*. No 50. P. 159-183.
- Rodrik, D. 2007. *One Economics, Many Recipes: Globalization, Institutions, and Economic Growth*. Princeton: Princeton University Press.
- Rodrik, D. and Rosenzweig, M.R. (Ed.). 2010. *Handbook of Development Economics*. Vol. 5. Amsterdam: Elsevier (North-Holland).
- Schulz, J., Hotte, K., and Mayerhoffer D.M. 2024. Pluralist economics in an era of polycrisis // *Review of Evolutionary Political Economy*. Springer. Vol. 5. No 2. P. 201-218. September.
- Sirous B. 2024. Economic Growth vs. Economic Development: Defining Success. *JRIBM*. 11: 010. <https://www.interestjournals.org/articles/economic-growth-vs-economic-development-defining-success-104640.html>
- The Pioneers of Development Economics: Great Economists on Development*. 2005. Ed. K.S. Jomo. New Delhi: Tulika Books. 234 p.
- Thompson, W. R. 2012. Energy, K-waves, lead economies, and their interpretation/implications // *Journal of Globalization Studies*. No. 3(2). Pp. 59-78.
- Vernikov, A.V. Government banking the Russian way: Empirical view // *Journal of Economic Regulation*. 2026. T. 17. № 1. C. 6–20.
- Wray R.L. 2025. *Understanding Modern Money Theory: Money and Credit in Capitalist Economies*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing.
- Wray, R.L., Armstrong, P., Holland, S., Jackson-Prior, C., Plumridge, P., Wilson, N. (Eds.) 2024. *Modern Monetary Theory: Key Insights Leading Thinkers (The Gower Initiative for Modern Money Studies)*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing.

Маевский В.И.: maev1941@bk.ru

Кирдина-Чэндлер С.Г.: kirdina@inecon.ru

Верников А.В.: verand77777@gmail.com

Волынский А.И.: ava3003@hotmail.com

Круглова М.С.: mashakruglova999@gmail.com

Малков С.Ю.: s@malkov.org

Плущевская Ю.Л.: pul@inecon.ru

Рубинштейн А.А.: simplicio1@yandex.ru